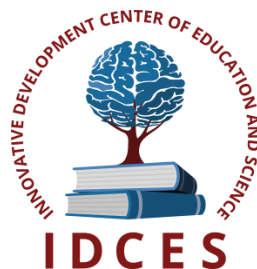

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(7 мая 2015г.)**

**г. Омск
2015 г.**

Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Омск, 2015. 61 с.

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук Арефьева Ирина Александровна (с.Краснореченское), кандидат исторических наук, доцент Арчебасова Надежда Анатольевна (г.Волгоград), доктор философских наук, профессор Билогур Влада Евгеньевна (г.Мелитополь), доктор социологических наук, доцент Бондаренко Галина Ивановна (г.Краснодар), кандидат философских наук Бреслер Михаил Григорьевич (г.Уфа), доктор политических наук, профессор Вартумян Арушан Арушанович (г.Пятигорск), доктор философских наук, доцент Воденко Константин Викторович (г.Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор Воронкова Валентина Григорьевна (г.Запорожье), кандидат социологических наук Жегусов Юрий Иннокентьевич (г.Якутск), доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Зинченко Виктор Викторович (г.Киев), кандидат философских наук, доцент Канц Наталья Александровна (г.Ставрополь), доктор исторических наук, профессор Малышева Елена Михайловна (г.Майкоп), доктор политических наук, доцент Марков Евгений Алфеевич (г.Череповец), доктор социологических наук, доцент Маслова Татьяна Федоровна (г.Ставрополь), кандидат социологических наук Насыбуллин Алексей Альбертович (г.Казань), кандидат философских наук Осина Оксана Николаевна (г.Саратов), доктор социологических наук, профессор Ростовская Тамара Керимовна (г.Москва), кандидат исторических наук, доцент Соловьянов Николай Иванович (г.Красноярск), доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Сопов Александр Валентинович (г.Майкоп), доктор исторических наук, профессор Шебзухова Татьяна Александровна (г.Пятигорск)

В сборнике научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук» (г.Омск) представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области общественных наук Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

Оглавление

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1.	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)	6
К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПЕРИОД ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	
Туфанов Е.В.	6
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА	
Кравченко И.Н.	8
ПРОБЛЕМА ДЕТСКОЙ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 — 1945)	
Дунбинская Т.И.	10
СОБЫТИЯ ИЮНЯ 1953 ГОДА В ВОСТОЧНОМ БЕРЛИНЕ И ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА	
Мозговая О.С.	15
США ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ В НАЧАЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1946-1953 ГГ.)	
Тимошина С.А.	17
ХРОНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ 1864 ГОДА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА РАЗЛИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ	
Шигильдеева Л.В.	20
СЕКЦИЯ №2.	
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)	21
ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	
Еропова Е.В.	21
КУЛЬТЫ РИМСКОЙ АРМИИ НА ВЕРХНЕ-ДУНАЙСКОМ ЛИМЕСЕ	
Соловьянов Н.И.	23
СЕКЦИЯ №3.	
АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)	25
УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕМЕСЛЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВ НА АЛТАЕ В ГУННО- САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ	
Соенов В.И., Константинова Е.А.	25
СЕКЦИЯ №4.	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)	28
СЕКЦИЯ №5.	
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)	28
СЕКЦИЯ №6.	
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)	28
ОТ ЛИГИ НАЦИЙ К ООН: ВОПРОС О ЮЖНОМ ТИРОЛЕ	
Сорвина М.Ю.	28
ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)	32
СЕКЦИЯ №7.	
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)	32
НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ РЕЛИГИИ И МИФОЛОГИИ ДРЕВНИХ БОЛГАР В БОЛГАРИИ	
Комлев И.Г.	32
ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)	34
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)	34

СЕКЦИЯ №9.	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02)	35
ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СТАБИЛЬНОМ И ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ	
Рыбчак П.Н.	35
СЕКЦИЯ №10.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03).....	37
СЕКЦИЯ №11.	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)	37
СОТРУДНИЧЕСТВО СО СТРАНАМИ СНГ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
Зиникова Э.Р., Казакова М.Н.	37
СЕКЦИЯ №12.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)	40
СЕКЦИЯ №13.	
КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06).....	40
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)	40
СЕКЦИЯ №14.	
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)	40
ГЕНЕЗИС ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП В КОНТЕКСТЕ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
Рыбаков А.В.	40
СЕКЦИЯ №15.	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)	42
СЕКЦИЯ №16.	
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)	43
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ СЕЛЬСКОЙ ГИГИЕНЫ	
Юрова И.Ю., Горбунова Л.А.	43
ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	
Чернышков Д.В., Андриянов С.В., Ширшова Т.А.	46
СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ КАК ФАКТОР АКТИВИЗАЦИИ РЕСУРСОВ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ	
Арстангалиева З.Ж.	48
СЕКЦИЯ №17.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05).....	50
СЕКЦИЯ №18.	
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06)	50
СЕКЦИЯ №19.	
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08)	51
СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ PR-ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ	
Захарова А.О., Кудеников Н.С., Солдатикова Е.М.	51
УПРАВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫМИ ТРЕНДАМИ В РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	
Кейзик А.С.	52

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00).....	55
СЕКЦИЯ №20.	
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01).....	55
ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ И СОЗНАНИЕ	
Иванов Е.М.	55
СЕКЦИЯ №21.	
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)	58
СЕКЦИЯ №22.	
ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04).....	58
СЕКЦИЯ №23.	
ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)	58
СЕКЦИЯ №24.	
ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07).....	58
СЕКЦИЯ №25.	
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08)	58
СЕКЦИЯ №26.	
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)	58
СЕКЦИЯ №27.	
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13)	58
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14).....	58
СЕКЦИЯ №28.	
ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)	58
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД	59

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПЕРИОД ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Туфанов Е.В.

Ставропольский Государственный Аграрный Университет, г.Ставрополь

Новая экономическая политика по своей сути была ориентирована на агропромышленный комплекс и внутренний рынок, но не на промышленность. Проблемы промышленного сектора экономики даже не обсуждались на партийном форуме, который принимал Нэп - как экономическую основу государства. Промышленность упоминается только в контексте того, что восстановление транспорта и индустрии позволит государству получать продукты агропромышленного сектора экономики цивилизованным путем, то есть в обмен на изделия фабрично-заводского производства. Первыми шагами реформирования в области промышленного производства явились законодательные инициативы, которые декларировали намерение правительства стимулировать развитие мелкой и кустарной промышленности в кооперативной форме, которые получили права юридических лиц, и могли использовать наемный труд, но с оговорками, если число наемных рабочих не превышает рубеж в 20% от числа работающих на предприятии. Результатом реформ было предоставление мелким ремесленникам и кустарной промышленности в деревне тех же юридических гарантий и такой же рыночной независимости, какой Нэп обеспечил сельских тружеников. Следующим шагом реформ явилась законодательная инициатива, которая возвращала под частное управление и контроль промышленных предприятий, которые уже были национализированы, но находились в плачевном состоянии. Предприятия, поставленные под прямое государственное управление должны были функционировать на основах хозрасчета. Одновременно признавалось два принципа: централизации и децентрализации. Предприятия принадлежащие к одной отрасли производства, должны были "концентрироваться" в объединения, с другой стороны крупные промышленные предприятия должны были действовать раздельно, то есть быть независимыми и освобождаться от прямого административного контроля со стороны государственных органов. Следует отметить, промышленность получила свободу действий в области финансовой политики. Введение самофинансирования или хозрасчета позволило государственным структурам определить успешность или убыточность предприятий. Создание трестов явилось средством осуществления перехода промышленности на рельсы хозрасчета. Тяжелая индустрия, чьи проблемы имели важнейшее значение в период Гражданской войны, теперь в эпоху Нэпа должна была нести основную нагрузку в виде уступок аграрному сектору экономики и возврата к рынку. Новая политика способствовала созданию трестов - концентрации отраслей промышленности. Государственные тресты стали основной формой организации фабричной промышленности в советских республиках. Тресты по декрету 1921 г. разделялись на две категории государственных предприятий - теми которые не финансировались государством и которые все еще зависели от государственной поддержки. Первой категории, трестов было предоставлено право свободно реализовывать свою продукцию на рынке, вторая категория к которой относились главным образом ведущие секторы тяжелой индустрии, могла получить разрешение реализовывать до 50 % своей продукции на рынке. Повсеместно делался акцент на элемент прибыльности, подразумеваемый самоокупаемостью: то что поначалу рассматривалось как инструмент рационализации и критерий ценности, развилось в новый материальный стимул промышленного производства.

В сельском хозяйстве Нэп быстро нашел необходимые стимулы производства, которые подвели Советское государство на рельсы экономического возрождения. В промышленном секторе экономике успехи были не такими быстрыми и яркими. Нэп стимулировал мелкую и среднюю промышленность, которая производила непосредственно для крестьянина, а также была ориентирована непосредственно на рынок, к тому же практически не требовала вкладывания денежных средств для организации производства. В области фабричной индустрии экономическая политика государства поощряла потребительские отрасли промышленности, продукцию которых можно было быстро мобилизовать для обмена по сравнению с отраслями производства средств производства, чья прибыль для хозяйства реализовывалась в будущем. Данные цели удовлетворялись за

счет возврата к свободному рынку, который мог удовлетворить лишь непосредственный потребительский спрос. Советская промышленность в период функционирования Нэпа оказалась под действием двух противоречивых факторов. Нэп с самого начала своей деятельности означал курс не только уступки крестьянству, но и уступки за счет пролетариата и промышленности. Стимулируя спрос на потребительские товары, он нарушал баланс внутри самой промышленности. Первый из этих факторов проявился в кризисе цен на промышленные товары. В период политики "Военного коммунизма" государство регулировало ценовую политику, что бы создать производителю промышленных товаров благоприятные условия. С введением свободных экономических отношений и либерализации цен у крестьянина появилась возможность после удовлетворения своих потребностей и уплаты государственных налогов выйти на рынок и реализовывать свою продукцию по собственной цене.

Положение тяжелой промышленности было очень сложным. Свободные рыночные отношения и ослабления государственного контроля стимулировали и мотивировали село, крупная промышленность должна была полагаться на свои собственные силы и капризные милости хозрасчета. Начиная 1921 г. предприятия лишались государственной поддержки в виде кредитов и субсидий. Эти результаты отвечали задачам Нэпа, который предложил крестьянину достойное вознаграждение за свой труд. Но они были катастрофическими для промышленности, с целью реанимирования этой отрасли экономики лидер государства В.И. Ленин объявил о формировании синдикатов, в задачу которых входило объединить и монополизировать торговый аппарат отдельно взятой отрасли промышленности. В результате возросла торговая мощь, которая стала главным фактором, который остановил падение цен на промышленные товары. Под воздействием лучшей организации промышленности и высокого урожая цены вновь двигаются в разных направлениях, но уже в пользу изделий промышленного сектора. Кризисы, вызванные этими расхождениями получили название "кризис ножниц".

Очередным фактором, который оказал негативное влияние на экономику России, была мотивация которую получила легкая промышленность за счет тяжелой индустрии, и это явление повлекло за собой долгосрочные последствия. Уже в 1922 г. был отмечен рост производства в отраслях промышленности, которые были ориентированы на рынок, однако системообразующий сектор промышленности, который определял вектор развития народного хозяйства в целом, переживал серьезный кризис. Для выхода из сложной ситуации требовалась поддержка государства. Тяжелая индустрия является визитной карточкой государства. Эта отрасль нуждается в государственной поддержке в области кредитования и лояльной налоговой системой. Однако народный комиссар финансов Советского государства ставил не на государственную поддержку, а на хозрасчет, как основу новой экономической политики. Промышленность не может существовать за счет бюджета; власть не должна отвечать за заработанную плату рабочим или за обеспечения их продовольственными товарами в виде пайков, отношение государственной власти к тяжелой индустрии может быть только отношением потребителя и продавца. Тем самым индустрия должна была выходить на рынок и продавать свои изделия как потребителю так и государству по ценам которые будут устраивать промышленный сектор экономики. Восстановив рыночную экономику, новая экономическая политика восстановила взаимозаменяемость различных элементов хозяйства на основах капиталистического порядка. Прямое вмешательство государственных структур с целью оказания помощи тяжелой индустрии противоречило новым принципам экономической политики страны.

Список литературы

1. Туфанов Е.В. К вопросу о формировании региональной элиты 1917 – 1920 гг. (на материалах рязанской губернии) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. №6 (2). С.101-106.
2. Туфанов Е.В. Формирование и становление новой политической элиты в первые годы Советской власти // НаукаПарк. 2013. №6(16). С. 5-9.
3. Карамян Л.А. Туфанов Е.В. Карачаево-Черкессия в октябре 1917 года // Российская государственность: история и современность.: сб. науч. статей / СтГАУ. Ставрополь, 2012. С. 130-134.
4. Туфанов Е.В. К вопросу о единстве правящей партии – X съезд РКП (б). // Основные проблемы общественных наук: сб. науч. тр. меж. научн. практ. конф. Волгоград 2014. С. 9-10.
5. Туфанов Е.В. Номенклатура – политическая элита Советской России. // Общественные науки: вопросы и тенденции развития: сб. науч. тр. меж. научн. практ. конф. Красноярск 2014. С.9-11.
6. Туфанов Е.В. Кравченко И.Н. Номенклатура – правящий класс Советской России // НаукаПарк. 2014. № 10 (30). С. 101-102.
7. Туфанов Е.В. Гуляк И.И. Государственная система в первые годы советской власти (на примере Рязанской губернии). Ставрополь 2011. С. 166.
8. Туфанов Е.В. Левоэсеровский мятеж 1918 г. в контексте становления однопартийной системы в Советской России // НаукаПарк. 2013. №2(12). С. 5-9.

9. Туфанов Е.В. Основной закон государства, конституция 1918 г. // Место и роль России в мировой истории.: сб. науч. статей / СтГАУ. Ставрополь, 2012. С. 116-120.
10. Туфанов Е. В. Формирование государственного аппарата Советской России 1917-1918гг. // НаукаПарк. 2013. №5(15). С. 16-20.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА

Кравченко И.Н.

Ставропольский государственный аграрный университет, г.Ставрополь

На рубеже XX -XXI веков заново активизировалось внимание историков, дипломатов, политиков, экономистов, военных, журналистов к положению, складывающемуся на Северном Кавказе. Ослабление страны вследствие распада СССР, просчеты дипломатов и отрицательные результаты социальных переустройств привели к усугублению социально-политических, экономических, религиозных и других противоречий в этом регионе. В нынешней ситуации Россия сталкивается с массой угроз ее национальным интересам. От инициативности дипломатов по отстаиванию государственных интересов на Северном Кавказе зависит будущее Российской державы. Значимость Северного Кавказа в прошлом российской государственности, его вовлеченность в национальную политику является злободневным объектом современных полемик. С точки зрения геополитики северокавказский регион постоянно представлял собой весьма значимый стратегический узел. Северный Кавказ является связующим звеном между Европой и Центральной Азией, обеспечивает выход к трем морям - Каспийскому, Черному и Азовскому, а через Азовско-Черноморский бассейн - в Средиземноморье, к Гибралтарскому проливу и Суэцкому каналу. Через северокавказские республики простираются важнейшие экономические, транспортные и транзитные линии из России в государства Закавказья и далее - в страны Азии, дублировать которые не возможно. Плодородные земли Ставропольского и Краснодарского регионов, ресурсы осетровых Каспийского и Азовского морей, резервы нефти и газа - все это находится на территории Северного Кавказа. Необходимо подтвердить, что тот, кто имеет влияние в этом регионе, в той или иной мере обладает существенной частью евроазиатского материка. Во всем мире более чем достаточно сил, заинтересованных в дестабилизации и ущемлении интересов России в северокавказском регионе [1].

Значимым фактором продолжает оставаться процесс суверенизации некоторых субъектов региона, установлением и формированием ими внешнеполитических и внешнеэкономических связей с сопредельными южными государствами, что реально ослабляет позиции России в данном регионе. Наряду с этим, формирование новых независимых государственных образований в Закавказье влечет за собой трансформацию национальной политики России в данном регионе, а также перспективы ее реализации. Существенной особенностью нынешнего состояния интересов российского государства является то, что они уже не являются доминирующими в регионе, так как это было в царские или советские времена. Наоборот, национальная политика, национальные интересы России в весомой степени опосредованы политикой по отношению к России тех государств, для которых Северный Кавказ играть роль объекта их личных интересов[2]. Являясь «отрезанной» от своих естественных рубежей на юге, Россия во многом вернулась к тем границам, откуда старалась вырваться, начиная с эпохи Ивана IV Грозного. В этой ситуации угрозу национальным интересам России представляют, как снова усугубившиеся после распада СССР, нерешенные вопросы, так и возникнувший целый ряд новых. Появилась необходимость по-новому оценить характер и источники угроз для безопасности Российской Федерации в северокавказском регионе. Современная реальность доказывает то, что одну из настоящих угроз для России представляют внутренние конфликты в северокавказских республиках, положение в которых характеризуется кризисным экономическим и социально-политическим состоянием. Особенно навязчиво в последний период в борьбе за вытеснение Северного Кавказа из сферы национальных интересов России применяется религиозно-политический и национальный фактор, который весьма отчетливо просматривается на примере «мусульманских» республик [3].

На Северном Кавказе практически осуществляется внешняя интервенция. Цель ее - не национальное освобождения народов, а неокOLONиальное закабаление в форме навязывания экстремистской идеологии радикального исламизма и установление надзора за природными ресурсами региона после отторжения от России. Формирование геополитической ситуации на Кавказском направлении в общем и на Северном Кавказе, конкретно, в современных условиях выделяется динамизмом, сохранением очагов вооруженных конфликтов и военно-политической напряженности, столкновением в данном регионе ряда межгосударственных и

межнациональных интересов, переменчивым и двойственным характером становления новых суверенных государств этого района мира при продолжающихся соперничестве и борьбе на межнациональном, региональном и глобальном уровнях за передел сфер воздействия и контроль над стратегическими резервами региона [4]. Для национальных интересов России на Северном Кавказе в нынешней ситуации свойственным является их динамичность, изменчивость в содержательном плане. Концентрирует на себе внимание то обстоятельство, что спустя десятилетия после развала СССР национальные интересы России в северокавказском регионе все еще находятся в первоначальной стадии формирования и даже осознания: до сих пор не установлены интересы страны в этом регионе мира. Угрозы национальным интересам на Северном Кавказе определены весомым комплексом противоречий, конфронтационными по своей сути интересами и военно-силовой практикой, а также исторической традицией их осуществления и объективными процессами развития России, ее территориальной экспансией на кавказском направлении и процессами самоидентификации этноконфессиональных образований региона. Угрозы национальной безопасности Российской Федерации в северокавказском регионе нужно видеть как совершенно закономерное и объективное явление, обусловленное асинхронным развитием двух межкультурных центров силы [5].

Присутствие в северокавказском регионе весомого комплекса вероятных вызовов безопасности интересам российского государства позволяет сделать вывод о незавершенности в начале XXI века эволюции его национальных интересов, что вызывает определение важнейших направлений и курсов укрепления позиций России в северокавказском регионе. Более существенными в вопросе обеспечения национальных интересов России на Северном Кавказе являются политический, религиозный и социально-экономический аспекты. Национальные интересы отображают вполне обусловленные социальные реальности и, как показывает практика, являются узловыми детерминантами формирования стратегических и тактических задач внутренней и внешней политики государства, системы национальной безопасности. В связи с последним, выяснение сути и содержания национальных интересов России, политического устройства их обеспечения является значимой научной и практической задачей [6]. Характер и направленность угроз национальным интересам России свидетельствует о месте и роли Северного Кавказа как наиболее важном факторе внешней и внутренней политики российского государства. Специфика Северного Кавказа обусловлена тем, что хотя экспансия и военные угрозы относительно России были как с Запада, так и с Востока, однако именно с юга, с кавказского направления военная опасность для России стала наиболее постоянным явлением. Следовательно, практически со времени формирования централизованного русского государства вопрос создания безопасных границ на Кавказе становится доминирующим и наследственным в российской истории [7]. Место Северного Кавказа в осуществлении национальных интересов определялось и его значением в системе как региональных интересов России, так и в целом во взаимоотношениях России с ведущими государствами мира, влияя, таким образом, на место и роль России в мировой политике. Наглядным доказательством этого является и нынешняя политическая практика, когда с распадом СССР в регионе появляется существенный комплекс угроз национальной безопасности Российской Федерации и осуществляется противодействие национальным интересам России со стороны как региональных государств, так и в целом ведущих стран мира. Национальные интересы призваны обеспечить безопасность государства, ее устойчивое и прогрессивное развитие. Они нацелены на решение актуальных внутренних и внешних задач, парирование, блокирование, нейтрализацию и предотвращение опасностей, вызовов, рисков, угроз и катаклизмов. На современном этапе Россия соприкасается с множеством угроз национальной безопасности, в том числе и на южном направлении. Усугубление этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе столь серьезно, что поставило под вопрос судьбу этого многонационального, южного региона Российской Федерации.

Список литературы

1. Кравченко И.Н. Историческая память и образ прошлого в культуре пореформенной России // НаукаПарк. 2015. № 1 (31). С. 4-7.
2. Кравченко И.Н., Туфанов Е.В. Специфика формирования межнациональных отношений в России // НаукаПарк. 2015. № 3 (33). С. 18-20.
3. Кравченко И.Н. Исторический опыт Федеративной политики советского государства. // Основные проблемы общественных наук: сб. науч. тр. меж. научн. конф. Волгоград. 2014. С. 6-9.
4. Кравченко И.Н. Общественно-политическое противостояние в 90-е гг. XX века // Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны: сб. науч. тр. меж. научн. конф. Санкт-Петербург. 2015. С. 6-8.

5. Кравченко И.Н. Государственная национальная политика Российской Федерации в условиях развивающейся демократии // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом: сб. науч. тр. меж. научн. конф. Новосибирск. 2015. С. 12-14.
6. Кравченко И.Н. Основы национально-государственного самоопределения // Актуальные вопросы современных общественных наук: сб. науч. тр. меж. научн. конф. Екатеринбург. 2015. С. 7-9.
7. Кравченко И.Н. Общественно-политический кризис как военное противостояние // Война, народ, победа в исторической и культурной памяти: сб. тр. науч. конф. Ставрополь. 2015. С. 64-70.
8. Кравченко И.Н. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Актуальные философские и методологические проблемы современного научного познания: сб. тр. науч. конф. Ставрополь. 2014. С. 119-126.
9. Кравченко И.Н. Тенденции развития национальной политики в северокавказском регионе // Актуальные философские и методологические проблемы современного научного познания: сб. тр. науч. конф. Ставрополь. 2013. С. 124-131.
10. Кравченко И.Н. Социально-экономическая и национальная политика на Северном Кавказе // Вестник Института дружбы народов Кавказа «Теория экономики и управления народным хозяйством». 2013. Т.2. № 26. С. 19.

ПРОБЛЕМА ДЕТСКОЙ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 — 1945)

Дунбинская Т.И.

Канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории и культурологи,
Томский государственный педагогический университет

В статье рассматривается проблема организации работы детского здравоохранения Западно-Сибирского региона по предотвращению распространения инфекционных заболеваний в годы войны. Была проанализирована деятельность руководства наркомата здравоохранения и местных органов власти по недопущению распространения заболеваемости среди детского населения, показаны трудности в организации профилактики и лечения инфекционных болезней.

Ключевые слова: детское здравоохранение, Великая Отечественная война, детские инфекционные заболевания, профилактика детских болезней.

THE PROBLEM OF CHILD MORBIDITY IN WESTERN SIBERIA DURING THE PATRIOTIC WAR (1941 - 1945)

Dunbinskaya TI, candidate of historical science (Ph.D.), associate professor

Tomsk State Pedagogical University

The problem of organizing the child Healthcare struggle against infectious diseases in West Siberian region during the war. The author identified the categories of population at risk, analyzed the People's Commissariat of Healthcare activity for preventing the spread of diseases among the population, showed the difficulties in prevention and treatment of the infectious diseases.

Key words: child healthcare, the Great Patriotic war, child infectious diseases, the prevention of child diseases.

История любого государства полна драматических событий, однако история нашей страны в XX в. несет в себе такое количество потрясений, крутых поворотов в развитии, трагедий, как ни одна другая. История теснейшим образом связана с политикой. Именно поэтому особую актуальность в настоящее время приобрела тема Великой Отечественной и Второй мировой войн. Западному миру хочется пересмотреть события тех времен, снять с себя ответственность за развязывание столь масштабного конфликта. Время работает на историков: открываются архивы, все больше документального материала становится общедоступным, все более объективная картина прошлых лет вырисовывается.

Долгое время историки, при изучении Великой Отечественной войны, интересовались сугубо военными

вопросами: изучали ход военных действий, анализировали военные операции, рассматривали жизнь тыла через призму организации военного производства, решение же социальных проблем, вопросы организации жизни взрослого и детского населения, здравоохранения тыловой части страны, оставались за пределами внимания исследователей. Только в 1990-е - 2000-е годы появилось много работ по выделенным проблемам. Основная их часть изучала отмеченные проблемы на материалах либо центральных регионов страны, либо отдельных провинциальных. Именно в это время и Западно-Сибирский регион попал в поле исследования историков [1]. Ученые стали изучать развитие социально-бытовой сферы Сибири в годы Великой Отечественной войны, особое внимание уделялось здравоохранению: сельскому, городскому, деятельности эвакогоспиталей, т. е. изучалась жизнь взрослого, трудоспособного населения. Детское же здравоохранение оставалось мало изученным, между тем, именно дети определяют будущее любой страны и забота о нем всегда и везде имела и имеет первостепенное значение.

Великая Отечественная война породила множество проблем в нашем государстве: необходимо было не только организовать отпор врагу, наладить производство военной продукции в стране, спасти население от массового истребления, но и позаботиться о его выживаемости в тылу.

Между тем, из-за массового призыва медицинских работников на фронт, сокращения финансирования, сеть медицинского обслуживания граждан была значительно сокращена, что явилось одной из причин повышения заболеваемости в стране.

Особенно тяжелой санитарно-эпидемиологическая обстановка была в Западной Сибири, так как именно сюда прибыло более миллиона эвакуированных граждан. К сожалению, в первый период войны, когда царила неразбериха и эвакуацию приходилось осуществлять стремительными темпами, было не до санитарной обработки эвакуированных, поэтому именно оно становилось основным носителем инфекции.

Эвакуированные стали главным источником распространения желудочно-кишечных и острых инфекционных заболеваний, таких как: дизентерия, сыпной тиф, туберкулез, менингит, чесотка, а поскольку среди эвакуированных было много детей, в то время наблюдалась вспышка и детских инфекционных заболеваний: дифтерии, кори, скарлатины и пр.

Из-за быстрого наступления фашистских войск, многие эвакуированные не успевали подготовиться к переезду и прибывали в Сибирь в летней одежде, поэтому в пути следования страдали от простудных заболеваний. К тому же, не сразу эвакуированных удавалось разместить среди местного населения и им приходилось жить в холодных зданиях вокзалов от десяти дней до месяца, фактически без теплых вещей.

Жилищный фонд Западной Сибири был весьма скуден — частный сектор не мог устроить всех нуждающихся в жилье, часто, эвакуированных размещали где-придется: в амбарах, подвалах, на чердаках, сараях плохо приспособленных для жилья.

К этому следует прибавить плохое питание и общую атмосферу тревоги и опасности, которые вызывали у людей психологический стресс, снижение сопротивляемости организма различным болезням. Все это, конечно, приводило к увеличению общей заболеваемости среди населения, особенно среди детей.

Весной 1942 г. неоднократно проводились рейды Госсанинспекции по проверке санитарного состояния эвакуированного населения, которые выявили множество проблем в стране и в Западно-Сибирском регионе, в частности. В детских учреждениях из-за нехватки топлива часто было очень холодно, не хватало постельного и нательного белья, посуды. Дети спали по двое-трое на кровати, часто и вовсе никаких кроватей не было, спали на полу или топчанах. Не было теплой одежды и по этой причине, дети не посещали школу. Одежды, нижнего белья не хватало настолько, что детям нечего было одеть после бани, несколько ребят пользовались по очереди одной парой обуви.

Сложная санитарно-эпидемическая обстановка в стране требовала от органов здравоохранения гигантских усилий для того, чтобы не допустить распространения заболеваемости среди населения.

Между тем, в первом квартале 1942 г. центральный аппарат Противоэпидемического управления не был укомплектован полностью. В его составе имелось: четыре инспектора-эпидемиолога, экономист и статистик. Не были укомплектованы отделы управления: дезинфекционный, Бакинститутов, по борьбе с малярией. В это же время были проведены значительные организационные преобразования (смена руководства, штата из-за массового призыва на фронт медиков). На конец 1942 г. в Противоэпидемическом управлении имелся 21 врач (правда, более чем с десятилетним опытом работы), общее же количество эпидемиологов, работающих в областях, краях, АССР — 549 при 710 штатных единицах [2]. Конечно, такое количество медицинских работников вряд ли могло обеспечить быстрое решение проблемы организации профилактической и лечебной работы среди населения. К тому же во время эвакуации наркомата была нарушена оперативная связь центрального аппарата с периферийными организациями и местным учреждениям здравоохранения, приходилось в одиночку решать медицинские проблемы.

Особенно актуальной была борьба с сыпно-тифозной инфекцией. К началу 1942 г. заболеваемость сыпным тифом настолько увеличилась, что превратилась в общегосударственную проблему.

13 января 1942 г. по наркомату здравоохранения РСФСР был издан приказ «О мероприятиях по предупреждению заболеваемости сыпным тифом», в котором требовали установить строгий контроль и учет всех заболевших, организовать регулярный осмотр всех детей, немедленную изоляцию заболевших, обеспечить мытье в бане не реже одного раза в неделю и т. д. [3]

Наиболее высокая заболеваемость сыпным тифом отмечалась в Омской, Кемеровской и Новосибирской областях. В течение первой половины 1942 г. эпидемия сыпного тифа продолжала нарастать и достигла максимума в апреле 1942 г.

Первое время пытались решить проблему за счет профилактических мер, усиления санитарного контроля. Прежде всего, увеличили количество дезинфекционных камер: если в начале войны, в 1942 г., всего по Западной Сибири имелось 554 дезкамеры, то в 1944 г. их насчитывалось уже 2 079 [4]. Коммунальным службам поручалось вести круглосуточную работу бань, не допуская большого скопления людей там.

Была установлена персональная ответственность директоров школ на наличие завшивленности у школьников и обязанность организовать регулярную санобработку всех школьников с помощью и с участием родителей.

Однако решить проблему было не так просто. Повсеместно наблюдалась катастрофическая нехватка самого необходимого для жизни: еды, одежды, средств гигиены, посуды и пр.

На заседании бюро в ноябре 1943 г. Кемеровского обкома ВКП(б) также отмечалось как чрезвычайно важное событие, высокая заболеваемость в городе сыпным тифом. Борьбу с заболеванием сыпняком органы здравоохранения организовали плохо. Завшивленность в общежитиях достигала 50 % и столько же в школах. Решения Чрезвычайной эпидемической комиссии руководители предприятий не выполняли. Бани, прачечные, жарокамеры и парикмахерские города работали неудовлетворительно [5].

Примерно, такая же картина наблюдалась и в Новосибирской области. На заседании исполкома Новосибирского Совета депутатов трудящихся 13 января 1944 г. отмечалось, что во многих районах распространение сыпного тифа приняло угрожающие размеры, руководители районов не проводят самых элементарных мер по борьбе с распространением этого заболевания. Особенно высокий процент заболеваемости был в Куйбышевском, Чановском, Чистоозерном, Пихтовском районах, Нарымском округе. В детских домах области не был наведен элементарный порядок: во многих детских домах не было бань, отсутствовали прачечные, дезокамеры, не проводилась еженедельная санитарная обработка. Как свидетельствует докладная записка заведующего Нарымского окрону, представленная заведующему окружного здравотдела о медико-санитарном состоянии детских домов края в октябре 1943 г. в Парабельском детском доме на полтора года человек приходился 1 умывальник, «дети не умываются от бани до бани», в результате чего, наблюдался значительный всплеск инфекционных заболеваний: чесотки, дизентерии [6].

Руководители указанных районов получили выговоры, а председатели райисполкомов обязывались выделить в распоряжение райздравотделов не менее 2-х лошадей для разъездов медицинского персонала. Устанавливался порядок, при котором колхозы и совхозы должны были систематически предоставлять транспорт в распоряжение заведующих медицинскими пунктами для проведения профилактической работы. На председателей колхозов возлагалась обязанность выделять в помощь медперсоналу на каждые 20 дворов по одному общественному санитарному инструктору: проверять санитарное состояние детских домов и учреждений, а также общежитий [7].

Не менее масштабной была заболеваемость туберкулезом.

Эта проблема обсуждалась на совещании в начале марта 1943 г., созванном народным комиссариатом здравоохранения СССР [8]. Отмечая неудовлетворительную постановку работы по борьбе с туберкулезом у детей, участники совещания считали необходимым усилить эту работу. Все мероприятия по борьбе с туберкулезом среди детей раннего возраста возложили на врачей консультаций, а среди школьников — на врачей детских поликлиник и школьных врачей. В крупных городах решено было восстановить приемы педиатров-фтизиатров в детских консультациях.

Всю противотуберкулезную работу в консультациях, так и в детских поликлиниках, следовало проводить под непосредственным руководством туберкулезных диспансеров. Для повышения квалификации врачей педиатров намечалось провести курсы и семинары по диагностике, клинике и профилактике туберкулеза у детей.

В августе 1942 г. наркоматом здравоохранения СССР было направлено циркулярное письмо в местные отделы здравоохранения по раннему выявлению туберкулеза в поликлиниках, амбулаториях, детских консультациях и больницах [9]. В целях улучшения организации борьбы с туберкулезом и проведения необходимых профилактических мероприятий предписывалось ввести с 1 января 1943 г. обязательное извещение

в органы здравоохранения о каждом случае заболевания открытой формой туберкулеза и смерти от туберкулеза.

2 августа 1943 г. Наркомат здравоохранения СССР выпустил новую инструкцию по борьбе с туберкулезом среди детей раннего возраста [10]. В инструкции отмечалось, что основной задачей детских консультаций является раннее выявление туберкулеза у детей, учет больных и инфицированных детей, распределение по группам обслуживания, организация лечебной и санаторной помощи и систематическое наблюдение за этими детьми.

Кроме детских консультаций профилактическими и лечебными мероприятиями занимались детские ясли, туберкулезные диспансеры, туберкулезные отделы поликлиник, туберкулезные пункты. В инструкции выделялись типы санаторных учреждений для детей раннего возраста и показания для направления в них: санаторные группы при яслях и санаторные площадки при детских консультациях.

В дополнении к этому, было решено открыть для детей дошкольного возраста, больных туберкулезом специальные детские сады. Всего в Западной Сибири было открыто 1 205 детских садов оздоровительного типа, в которых лечились около 20 тысяч детей [11].

Другой формой оздоровления детей школьного возраста были лесные школы. Развертывание лесных школ проходило, в силу нехватки финансовых средств, тяжело и медленно, хотя сделано было не мало. Всего, по неполным данным, в Западной Сибири функционировало приблизительно 400 таких специализированных школ, которые помогли поправить здоровье детям Сибири [12].

Кроме того, были открыты и собственно санатории для детей раннего возраста, которые дифференцировались на санатории раннего возраста для легочных и прочих форм туберкулеза, санатории для больных костно-суставным туберкулезом.

Таким образом, была создана сеть медицинских и лечебно-воспитательных учреждений, позволяющая вести целенаправленную борьбу с этим серьезным заболеванием.

Другую смертельно опасную угрозу для здоровья детей представляли такие весьма тяжелые заболевания как: дифтерия, туляремия, брюшной тиф, - в последние месяцы 1942 г. начался их значительный рост.

На уже упомянутом совещании, состоявшемся в марте 1943 г., по вопросам детского здравоохранения, созванном наркомздравом СССР [13] отмечалось, что добиться снижения детской заболеваемости и смертности можно только при серьезном отношении к борьбе с различного рода инфекциями, при качественной работе всех детских учреждений, оказании своевременной и первоочередной медицинской помощи детям, быстром восстановлении лечебно-профилактической сети. Был намечен целый план мероприятий.

Предлагалось обеспечить полностью проведение всех профилактических и лечебных мероприятий по борьбе с дифтерией и, в первую очередь, полное и своевременное выполнение плана вакцинации и ревакцинации, а также своевременную диагностику и госпитализацию заболевших дифтерией детей и своевременное введение противодифтерийной сыворотки. Наркомздрав требовал установить строгий контроль и привлекать к ответственности лиц, виновных в несвоевременном введении сыворотки при дифтерии и несвоевременном проведении профилактических мероприятий по кори.

Особое внимание уделялось мероприятиям по борьбе с коклюшем путем своевременного выявления заболевших, организации специальных ясельных групп и госпитализации больных с осложненным коклюшем.

Организовывая борьбу с дизентерией, предлагалось провести своевременную иммунизацию детей, обеспечить полную госпитализацию с токсической диспепсией и дизентерией и провести прочие мероприятия по борьбе с желудочно-кишечными заболеваниями, согласно приказу № 22 Наркомата здравоохранения СССР — Уполномоченного ГКО [14. С.309].

22 июня 1943 г. вышел новый приказ уполномоченного ГКО и народного комиссара здравоохранения СССР Г. Митерева о проведении противоэпидемических мероприятий и о предупреждении распространения острых детских инфекций [14. С. 310-311]. Народным комиссарам союзных и автономных республик, заведующим областными и краевыми отделами здравоохранения снова и снова предписывалось провести и закончить в городах и сельской местности прививки (вакцинацию и ревакцинацию) всем детям от одного года до восьми лет. Во всех областных аптекоуправлениях создавались постоянные запасы сывороток против дифтерии, кори, коклюша, оспы, туберкулеза и других инфекционных заболеваний.

Руководство требовало более точного изучения здоровья школьников, установления контроля за физическим развитием, отмечалась необходимость выделения ослабленных детей. Детей, страдающих хроническими заболеваниями, в специальные группы, которые должны были находиться под постоянным наблюдением.

Следует отметить, что определенные положительные результаты в борьбе с распространением различного рода инфекций были. Об этом свидетельствует справка наркомата здравоохранения, содержащая анализ развития дизентерии за годы Великой Отечественной войны. В этом документе отмечалось, что если предыдущие войны

влекли за собой резкий рост этого инфекционного заболевания, то в период Великой Отечественной войны подобного не наблюдалось; наоборот, отмечалось резкое и последовательное снижение заболеваемости. В показателях на 10 000 населения заболеваемость по Советскому Союзу выражалась в следующих цифрах: 1940 — 45,8; 1941 — 39,8; 1942 — 36,0; 1943 — 21,5; 1944 — 11,3 [15]. Такая же динамика наблюдается и в Западной Сибири, например в Новосибирской области: в 1942 - зафиксировано 8 068 случаев заболевания, в 1943 — 5 913, в 1944 — 1 585[16], что следует из сводки о заболеваемости в наркомздрав СССР.

В целом следует отметить, что работа по санитарному обслуживанию детей, профилактике заболеваний, противоэпидемическим мероприятиям не оставалась без внимания руководящих органов страны, органов здравоохранения, просвещения, общественности. В работе было много недостатков, вызванных, главным образом, объективными условиями военного времени: слабой материальной обеспеченностью детских медицинских учреждений, недостаточным питанием, нехваткой медицинских кадров, дефицитом медикаментов.

Тем не менее, анализ документов показывает, что в 1942 — 1943 гг. удалось преодолеть массовое распространение тяжелых детских заболеваний в регионе и в дальнейшем держать ситуацию под контролем. Сделать это было сложно, но были правильно расставлены акценты в организации этой работы, основной упор был сделан на профилактику, раннюю диагностику и лечение инфекционных заболеваний. Очень много сделано было по распространению санитарных знаний в детских учреждениях, среди взрослого населения, что помогло не допустить массовой гибели людей.

Список литературы

1. Алексеев, В.В., Исупов, В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. - Новосибирск, 1986. - 232 с.; Исупов, В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. - 242 с.; Палецких, Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. - Челябинск, 1995. - 184 с.; Погодин, С.А. Городское население СССР: историко-демографический анализ (середина 40-х — конец 50-х гг.). - Саратов, Саратов, 1994, - 211 с.; Гончарова, О.А. История становления и развития системы здравоохранения в Горном Алтае в XIX – XX вв.: автореф. дис. на соис. уч. ст. докт. ист. н. - Томск, 2002. - 41 с.; Давыдова, Ю.А. Здравоохранение в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941 — 1945 гг.: автореф. дис. на соис. уч. ст. канд. ист. н. - Новосибирск, 1999. - 23 с.; Орлова, Е.А. Эвакогоспитали Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945): автореф. дис. на соис. уч. ст. канд. ист. н.: 07.00.02 / Орлова Елена Александровна [Место защиты: Кемеров. Гос. Ун-т] Кемерово, 2007, 22 с.
2. ГАРФ Ф. 8009. Оп. 3. Д. 261. Л. 1, 2, 8, 22.
3. ГАРФ Ф. 2306. Оп. 70. Д. 1370. Л. 1.
4. ГАРФ Ф. 8009. Оп. 3. Д. 784. Л. 19-20; Д. 943. Л. 9-11; Д. 785. Л. 7; Д. 1105. Л. 9; Д. 1344. Л. 9; Д. 1107. Л. 9; Д. 330. Л. 1; ГАНО Ф. П-4. Оп. 9. Д. 203. Л. 17.
5. Во имя победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. В трех томах. Том III “Спасенное детство». Томск: Издательство ТГПУ, 2005. С. 199-200.
6. ГАНО Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 93. Л. 5.
7. ГАКО Ф. П-75. Оп. 1. Д. 39. Л. 59.
8. ГАНО Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 93. Л. 5.
9. ГАРФ Ф. 2306. Оп. 70. Д. 1488. Л. 34.
10. ГАРФ Ф. 8009. Оп. 21. Д. 21. Л. 32-35.
11. Сборник приказов, инструкций и циркулярных писем министра здравоохранения СССР по противотуберкулезной работе. - М., 1948. - С. 133.
12. ГАРФ Ф. 2306. Оп. 70. Д. 1423. Л. 27, 28.
13. ГАРФ Ф. 8009. Оп. 21. Д. 38. Л. 10-14.
14. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. - Сб. док. и мат. /Под ред. М. И. Барсукова. - М., 1977.
15. ГАРФ Ф. 8009. Оп. 3. Д. 343. Л. 186.
16. ГАНО Ф. П- 4. Оп. 9. Д. 203. Л. 12.

СОБЫТИЯ ИЮНЯ 1953 ГОДА В ВОСТОЧНОМ БЕРЛИНЕ И ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА

Мозговая О.С.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

В июне 1953 г. по Восточному Берлину прокатилась волна забастовок и массовых выступлений жителей. При этом СССР приписывают основную роль в насильственном подавлении выступлений немецких рабочих, не упоминая о роли западногерманских властей.

9-12 июля 1952 г. вторая партийная конференция СЕПГ Германии провозгласила курс на построение основ социализма в ГДР [5, с. 3-4]. Определенные успехи действительно были достигнуты [10, s. 216], но в то же время резко сократились инвестиции в сферу потребления, результатом чего уже в начале 1953 г. стали перебои со снабжением населения основными продовольственными товарами. В апреле 1953 г. правительство ГДР было вынуждено поднять цены в системе государственной розничной торговли, сократить некоторые пособия и отменить ряд льгот [3, с. 101]. Причинами ухудшения социально-экономического положения ГДР были также обременительные расходы по выплате репараций СССР. Кроме того, расходы ГДР на содержание советских оккупационных войск составили в 1945-52 гг. 32 млрд. марок ГДР (на 1953 г. в бюджете ГДР на эти цели было заложено 1,95 млрд. марок) [7, с. 52-53]. Положение усугублялось начатой в 1952 г. массовой коллективизацией, которая приобрела во многих районах принудительный характер. Создаваемые сельхозкооперативы были плохо организованы, недостаточно оснащены техникой и финансовыми средствами, что повлекло сокращение производства в аграрной сфере.

С конца 1952 г. в ГДР отмечался рост недовольства населения новой политикой СЕПГ. В конкретных условиях Германии того периода это выражалось в бегстве жителей ГДР в ФРГ. Всего в 1949-55 гг. ГДР покинули 1,4 млн. человек (151 тыс. с января по май 1953 г.) [7, с. 58]. Руководство СЕПГ и первый секретарь ЦК партии ГДР Вальтер Ульбрихт реагировало на растущее недовольство населения в основном репрессивными мерами. Были так же арестованы некоторые представители церкви [10, s. 221]. Основную причину оттока населения видели в слабой идеологической работе партии. Была усилена пропаганда. Затем власти ГДР усложнили процедуру выдачи, так называемых, межзональных пропусков, что еще больше усилило недовольство жителей Восточного Берлина [9, с. 93].

И. Сталин тем временем инициировал дипломатическую переписку с западными державами по «германскому вопросу», направив в их адрес ноту от 10 марта 1952 г. с программой мирного урегулирования и восстановления единства страны [8, с. 200-203]. Западные державы и правительство ФРГ встретили советский проект настороженно, так как не собирались отказываться от курса на вступление Западной Германии в НАТО. В сентябре 1952 г. переписка между СССР и западными державами по этому вопросу была прекращена [8, с. 205-207].

Смерть И.В. Сталина 5 марта 1953 г. привела к переосмыслению в СССР политики в отношении Германии, укреплению позиций умеренно реформистских сил. Л. Берия выступал за немедленное объединение страны на капиталистической основе. По его мнению, воссоединенная СССР Германия будет чувствовать признательность и поможет Советскому Союзу в экономическом плане [2, с. 332]. Берия стремился убедить советское руководство, что причиной экономических трудностей ГДР, был именно курс на строительство социализма, а не отдельные административные перегибы и недостаток финансовых средств. Маленков был склонен поддержать Берию. Но Хрущев и Молотов были против односторонней сдачи ГДР [6, с. 177]. Большинство Президиума ЦК КПСС выступало за укрепление позиций ГДР.

В апреле 1953 г. в Москве было принято решение об оказании ГДР экономической помощи. 14 мая 1953 г. В.М.Молотов сообщал в Президиум ЦК КПСС о негативных последствиях массовой коллективизации сельского хозяйства в ГДР [1, ф. 06, оп. 12, п. 18, д. 278, л. 6]. Совет Министров СССР в мае 1953 г. принял постановление «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР» [1, ф. 06, оп. 12, п. 16, д. 263, л. 18-20], где фактически призывали к отказу от форсирования строительства социализма в ГДР.

В начале июля руководители ГДР после возвращения из Москвы объявили «новый курс», в котором критиковались предыдущие мероприятия СЕПГ. Но это только усилило недовольство в стране. 12 июня началась забастовка на одной из строек на Сталиналлее, положившая начало массовым выступлениям рабочих.

В Берлине, в отличие от большинства городов ГДР, до 15 июня никаких забастовок почти не отмечалось. Город снабжался продовольствием и СЕПГ проводила более либеральную политику с оглядкой на Западный

Берлин. Ситуацию осложняла работа американской радиостанции РИАС, которая и сообщила об акции протеста, что явилось катализатором дальнейших событий.

16 июня бастовало уже 35–40 тысяч рабочих, среди которых было много представителей от Западного Берлина. Рабочие потребовали переговоров с Ульбрихтом и Гротеволем, но безрезультатно. Руководство сообщило по радио об отмене повышения норм выработки. Бастующие призвали к проведению всеобщей забастовки на следующий день [4].

Утром 16 июня сотрудник аппарата В.В. Кучин передал в Москву первое донесение о начавшихся беспорядках [9, с. 132]. Утром 17 июня на площади Штраусбергерплатц начали собираться тысячи людей, которые направились к Дому правительства, громя все на своем пути. Полиция получила приказ не стрелять. Был разгромлен советский магазин «Международная книга», подожжено несколько автомашин. В 10 часов 30 минут все высшее руководство ГДР было вывезено из здания ЦК СЕПГ в штаб-квартиру советских войск.

В 11 часов в Берлине было прервано железнодорожное городское сообщение, а с 12 часов остановился весь транспорт [10, с. 239]. К полудню в осаде находились Дом правительств, здание ЦК СЕПГ, полицейский президиум, городской телеграф и штаб-квартира профсоюзов [1, ф. 06, оп. 12 а, п. 301, д. 51, л. 9], несмотря на начавшийся сильный дождь. После 11 часов утра народная полиция получила разрешение применять оружие, но только в случае нападения на участки.

К полудню в Берлине были разгромлены несколько магазинов и кинотеатров. Группы молодежи (в основном из Западного Берлина), вооруженные кастетами и дубинками, заставляли частных торговцев закрывать магазины. Среди митингующих у Дома правительства уже открыто появились американские офицеры. Ободренные такой поддержкой, демонстранты, ворвались в Дом правительства, где учинили погром. На улицах Берлина стали появляться баррикады [9, с. 140].

17 июня в 12 часов 30 минут советские войска под командованием Соколовского приступили к восстановлению в Берлине общественного порядка. Формально СССР, как оккупирующая держава, имел все права на применение силы в случае возникновения волнений на территории ГДР. Согласно плану советского командования именно немцы должны были охранять секторальную границу. Ведь с американской стороны к ней уже были подведены танки, и если бы навстречу им выехали Т-34 и ИС, достаточно было небольшой провокации для начала конфликта.

В этих условиях реальная власть в столице ГДР перешла к Семенову и командующему Группой советских оккупационных войск в Германии Гречко. Колонны советских танков двинулись к Дому правительства, в них полетели камни, позднее раздались выстрелы из захваченного у народной полиции стрелкового оружия. Однако захваченное здание правительства ГДР было освобождено, «демонстранты были отбиты от здания ЦК СЕПГ и берлинского Полицейского президиума», где по демонстрантам «был открыт огонь» [1, ф. 028, оп. 41, д. 93, л. 1]. В 13.00 в Берлине было объявлено военное положение. «Отдельные группы рабочих начали покидать демонстрацию и отправлялись на работу или домой» [1, ф. 028, оп. 41, д. 93, л. 2].

В 15 часов «группой провокаторов из Западного Берлина» была остановлена машина заместителя премьер-министра ГДР и лидера восточного ХДС Отто Нушке. Его избили и передали западноберлинской полиции. 19 июня Нушке был возвращен в ГДР [1, ф. 028, оп. 41, д. 93, л. 5].

На 18.00 в Берлине было арестовано 70 человек. Следует отметить, что советские войска старались непосредственно не вмешиваться в столкновения с демонстрантами и прибегали к оружию только для самообороны и защиты основных правительственных зданий. На 23.00 по предварительным данным «в советском секторе получили ранение 79 немецких полицейских», 7 демонстрантов было убито, 66 ранено. РИАС в своих передачах призывало «мятежников» подчиниться властям [1, ф. 028, оп. 41, д. 93, л. 3].

В ночь с 17 на 18 июня были произведены аресты «наиболее активных участников беспорядков». 18 июня большинство предприятий возобновили работу, началось снабжение магазинов, в первую очередь хлебом. «На улицах советского сектора» было «спокойно». Утром были отмечены «небольшие скопления людей», но «войсками и полицией они были рассеяны». Всего советскими войсками было арестовано 3361 человек. По мнению Семенова положение улучшалось, «имели место только отдельные случаи беспорядков» [1, ф. 028, оп. 41, д. 93, л. 11-12]. В течение нескольких дней порядок был восстановлен повсеместно.

23 июля 1953 года ЦК СЕПГ сформулировало новый курс ГДР, направленный на удовлетворение потребностей населения.

Список литературы

1. Архив внешней политики РФ.
2. Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М., 2002.
3. Вилли Брандт. Воспоминания // «Вопросы истории», № 1, 1991.

4. Восстание в ГДР 17 июня 1953 года <http://politobzor.net/show-13113-vosstanie-v-gdr-17-iyunya-1953-goda.html>.
5. Вторая конференция Социалистической единой партии Германии. 9–12 июля 1952 года. Берлин, 1952 г.
6. Микоян А. И. Второе лицо в стране // Молотов. Второй после Сталина. М., 2012.
7. Новик Ф.И. "Оттепель" и инерция холодной войны (Германская политика СССР в 1953-1955 гг.) М., 2001.
8. Отношения СССР с ГДР 1949-1955 гг. Документы и материалы. М., 1974.
9. Платошкин Н. Н. Жаркое лето 1953 года в Германии. М., 2005.
10. Weber H. Geschichte der DDR, München, 1986.

США ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ В НАЧАЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (1946-1953 ГГ.)

Тимошина С.А.

Пензенский государственный университет, г.Пенза

Основным источником для исследования деятельности СМИ по информированию населения СССР о жизни за рубежом стали публикации газеты «Правда» 1946-1953 гг., так как в указанный период это издание являлось главным поставщиком информации для региональных периодических изданий о жизни за рубежом. Характеризуя значимость этой газеты для всей системы советской периодической печати, Е.В. Кочетова в своем исследовании отмечает: «Особую роль играли передовые статьи “Правды”, содержащие политические установки, директивные указания, намечавшие основную линию действий средств массовой информации. Эти передовые потом перепечатывались другими газетами. И в оригинале, и в перепечатке они были как бы стрелем, вокруг которого группировался остальной материал» [7, С. 94]. Комментируя роль советских СМИ в системе информирования, А. В. Фатеев пишет о том, что «пресса была главным инструментом идеологического влияния государства в дотелевизионную эпоху» [11].

Период 1946-1953-х гг. принято считать первым этапом так называемой «холодной войны». Открытый военный конфликт по мнению известных политологов того времени между СССР и США был невозможен. Ещё в 1944 г. в своей книге «Военные цели США» известный американский политолог У. Липпман уверенно заявил о невозможности «горячей» войны в будущем между государствами. Прибегнув к чрезвычайно образному сравнению двух стран, называемых «сверхдержавами», он написал следующее: «в обозримом будущем ...война, развязанная непосредственно между Россией и США практически невозможна, как битва между слоном и китом» [4, Р. 134]. В то же время, говоря о возможности будущих войн, один из основоположников современной политологии Г. Лассуэл, пришел к выводу, что они будут иметь всеобщий характер: «Вполне разумно предположить, что будущие войны будут тотальными войнами, или, по крайней мере, будет угроза разрастания конфликта до масштабов тотального. Сегодня, когда Западная цивилизация с ее системой власти распространилась по всему миру, существует огромная опасность, что любой конфликт, каким бы небольшим он не был, коснется каждого. И, в нашу эпоху развития электрической техники и химической индустрии, война означает войну тотальную» [2, Р. 5]. Комментируя специфику международной обстановки в послевоенный период, А. В. Фатеев в своей монографии отмечает, что «после войны у советского государства не было ярко выраженного внешнего и внутреннего врага» [11].

Тем не менее, противоречия между бывшими союзниками быстро нарастали, что имело под собой веские основания. Все участники союза, называвшиеся «сверхдержавами», имели свои геополитические, экономические и иные интересы, которые во многом шли вразрез с интересами и целями других сторон. Описывая основные причины ухудшения международной обстановки, У. Липпман отмечал: «причиной плохих отношений является подозрение, возникшее по обе стороны Железного Занавеса, что противоположная сторона намеревается развязать агрессию. Это подозрение рождается из предположения, что, в конце концов, ни одна сторона не будет терпеть другую» [3, Р. 36]. По мнению Е.С. Сеньянской, «противоречия между союзниками все острее давали о себе знать уже в ходе самой войны, по мере приближения Победы, а после ее достижения кризис антигитлеровской коалиции проявился в полную силу» [9]. Действительно, разногласия, возникавшие между СССР и США в военный период, освещались в советской периодической печати. Пресса оперативно реагировала на изменение внешнеполитической ситуации. Так, на страницах «Правды» развернулась оживленная полемика по поводу уже упоминавшейся книги У. Липпмана «Военные цели США», вышедшей в 1944 г., в которой он выдвинул свои идеи послевоенного мироустройства. Журналисты центральной газеты СССР подвергли резкой критике взгляды этого крупного общественного американского деятеля. А. Георгиев написал, что «орбиты

Липпмана-сплошная фикция», так как «всякая попытка строить мир без участия Советского Союза и против него чревата страшными последствиями для человечества». Необходимо сказать, что подобная критичность советской прессы была вызвана замечаниями самого Липпмана в адрес СССР или «России», как именовал страну сам автор. Характеризуя систему советской пропаганды, он в своей книге отмечал: «Россия оградила себя изнутри от пропаганды Западной конституционной системы, а мы не изолированы, благодаря нашему принципу толерантности, от пропаганды терпимости» [4, Р. 140]. При этом он пришел к выводу, что «между Советским Союзом и Западным миром не может быть настоящего сотрудничества» [4, Р. 140]. В результате в советских газетах тут же появились критические материалы о якобы антисоветских публикациях в американской и европейской прессе [8]. Однако, следует добавить, что такие статьи на страницах советских газет в конце Второй Мировой войны ещё появлялись нечасто, поскольку образ конкретного послевоенного врага СССР ещё не сложился.

По окончании Второй Мировой войны у Соединенных Штатов имелись свои интересы на внешнеполитической арене, которые заключались в устранении тем или иным образом всех государств-конкурентов. Об этом открыто заявляли американские политологи. Тот же У. Липпман сформулировал цель, которая определила внешнюю политику США на долгие годы, и актуальна и по сей день: «самым главным интересом Соединенных Штатов» является «существование в мировом окружении, в котором нет опасных и враждебных государств» [4, Р. 154].

Если учесть, что СССР именно после Второй Мировой войны приобрел немалый вес в международной политике, то, следовательно, вышеназванные цели были направлены в первую очередь против него. Поэтому на первый план в послевоенные годы перед советскими СМИ вышла задача изменения образа США в советской прессе, а именно трансформация образа союзнической страны, созданного советскими центральными и региональными периодическими изданиями в годы Второй Мировой войны, во враждебное государство. Следует сказать о том, что советская пресса для выполнения своих целей в своей практике пользовалась арсеналом основных задач пропаганды, которые были сформулированы ещё в 1927 г. Г. Лассуэлом [1]. Как он полагает, у пропагандиста «существуют четыре основные цели: 1) мобилизовать ненависть к врагу; 2) сохранить дружественные отношения с союзниками; 3) поддерживать дружбу или, если это, возможно, обеспечить сотрудничество с нейтральными странами; 4) деморализовать врага. Изобразить противника как препятствие к достижению заветных идеалов и мечтаний нации в целом...» [8, Р. 195]. Говоря иными словами, требовалось сформировать определенное общественное мнение по отношению к тем же США, так как во время любого конфликта «недостаточно мобилизации людей и средств, должна быть и мобилизация мнения» [1, Р. 14].

Основой внешнеполитической картины мира для советской прессы послужила теория «двух лагерей» главного идеолога СССР, секретаря ЦК ВКП(б), А.А. Жданова, напечатанная на страницах «Правды» в 1947 г. [5] Региональные партийные организации взяли эту теорию на вооружение при освещении событий за рубежом, ссылаясь на ее основные тезисы во время выступлений: «...с одной стороны – империалистический и антидемократический лагерь во главе с США, находящихся в союзе с Англией и Францией и ставящей своей целью укрепление империализма, подготовку к новой империалистической войны, борьбу с социализмом и демократией; с другой стороны – антиимпериалистический и демократический лагерь во главе с Советским Союзом и странами новой демократии, целью которого является борьба за прочный мир против угрозы новых войн и империалистической экспансии, за укрепление демократии и искоренение остатков фашизма. Борьба этих двух лагерей является основным и решающим моментом нынешнего международного положения» [10, Л. 7]. Как видно из приведенного выше документа, образ США трансформировался, причем Америка являлась главным источником военной угрозы не только для СССР, но для всех остальных государств [8]. Как отмечает в своей работе Е. Ю. Зубкова «Военная угроза становилась... важным аргументом в руках пропаганды» [6].

Для выполнения задачи мобилизации ненависти к США советская периодическая печать прибегла к сравнению этого государства с фашистской Германией. В конце 1940-х гг. Соединенные Штаты изображались советскими журналистами как оплот тоталитаризма и фашизма: «Конечно, в США ещё не происходит массовых казней передовых людей, как это делается с благословения американских генералов и дипломатов, например, в Греции. Но судьба любого американца находится уже сейчас в руках откровенного фашиста Рэнкина или в руках первого попавшегося сыщика из Федерального бюро расследований» [8]. Печатные периодические издания публиковали серии статей о нарушениях прав человека и расовой дискриминации в США, действительно имевших место в этом государстве [8].

Помимо этого, перед системой советской прессы стояла задача изобразить США в качестве основного препятствия развития как экономического, так и политического различных стран мира. В достижении этой цели эффективным средством послужили публикации о так называемом о «плане Маршалла» [8]. Советские газеты начали публиковать критические заметки об упомянутой экономической программе с 1947 г. [8] Они заявляли,

что с самого начала ««план Маршалла» сталкивается со все большими трудностями... как внутри страны, так и за рубежом» [8]. Цели экономической программы Маршалла были сформулированы в советской прессе следующим образом: «а) создание Западного блока под руководством США; б) превращение Германии в военную базу американского империализма в сердце Европы; в) отдалить государства Восточной Европы, в частности, страны новой демократии, от влияния внешней политики Советского Союза и привлечь их на сторону США» [8]. Согласно сообщениям советской прессы «план Маршалла» был абсолютно неэффективен, и реализация данной экономической программы приводила только к противоположным результатам, ухудшая состояние экономики Западно-Европейских стран [8]: «Широкие народные массы наглядно убеждаются в том, что распространение «плана Маршалла» на Францию привело лишь к новому обострению экономических трудностей в стране, росту безработицы, к разорению крестьянства и мелкой городской буржуазии». Для большей эффективности воздействия публикаций на сознание советских граждан критические выводы об экономической программе Маршалла выносились в заголовки: «Жизненный уровень трудящихся Финляндии понижается», ««План Маршалла» принес трудящимся Голландии обнищание» [8].

Воздействие таких статей на сознание граждан СССР была крайне велико. Эффективность деятельности советской пропаганды признавалось зарубежными политологами даже в условиях «холодной войны». В частности, У. Липпман отмечал: «... мы обманем самих себя, если не осознаем, что основная мощь Коммунистических государств кроется не в их секретной деятельности, а в силе их примера, в яркой демонстрации того, что за 40 лет достиг Советский Союз, и того, что Китай достиг за десять лет» [3, Р. 36].

Проанализировав содержание публикаций о главном внешнем враге СССР в период «холодной войны» США, можно сделать вывод о том, советская пресса действовала эффективно и оперативно, достигая поставленных перед ней задач. По оценке Е.Ю. Зубковой «призрак военной угрозы поддерживал советское общество в состоянии постоянной мобилизационной готовности и, в известном смысле обеспечивал жизнеспособность политической системы. Нацеленная на выживание в ситуации «враждебного окружения», эта система могла успешно функционировать только в условиях противостояния - реального или мнимого. Призрак войны играл роль фактора, цементирующего общество, придающего необходимый тонус общественным процессам» [6].

Список литературы

1. Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War. – N.Y.: Knopf, 1927. - 233 p.
2. Lasswell H.D. World Politics Faces Economics. With Special Reference to the Future Relations of the United States and Russia. - N.Y.; London: McGraw-Hill book, co., 1945. - 108 p.
3. Lippmann W. The Communist World and Ours. – Boston; Toronto: An Atlantic Monthly Press Book; Little, Brown and Company, 1958. - 56 p.
4. Lippmann W. U.S. War Aims. – Boston: An Atlantic Monthly Press Book; Little, Brown and co., 1944. - 235 p.
5. Жданов А. О международном положении // Правда. - 1947. – № 280.- С. 2-3.
6. Зубкова Е.Ю. Общественные настроения в послевоенной России, 1945 - 1953 гг.: Дис...д-ра ист. наук: 07.00.02 - М., 2000. - 508 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/obshchestvennye-nastroeniya-v-poslevoennoi-rossii-1945-1953-gg>
7. Кочетова Е. В. Средства массовой информации и цензура в послевоенные годы: 1945-1953: На материалах Пензенской области: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Пенза, 2006. – 240 с.
8. Правда: Ежедневн. – М., 1946-1953.
9. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века (эволюция «образа врага» в сознании армии и общества). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://litrus.net/book/read/3541/Protivniki_Rossii_v_vojnah_HH_veka_%28Evoljucija_%C2%ABobraza_vraga%C2%BB_v_soznanii_armii_i_obshhestva%29?p=5
10. Стенограмма III-й Областной Партийной конференции // Отдел фондов общественно-политических организаций при государственном архиве Пензенской области. Ф. 148. Оп.1. Д. 1876. 165 л.
11. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг./ А.В. Фатеев. – М.: Ин-т рос. Истории РАН, 1999. - <http://psyfactor.org/lib/fateev0.htm>

ХРОНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ 1864 ГОДА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА РАЗЛИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Шигильдеева Л.В.

Иркутский Государственный Университет, г.Иркутск

Принятию судебных уставов 1864 года, предшествовала длительная и трудоемкая работа. Она включала и создание различных проектов, и их обсуждение, доработку, приведение все в единое целое, и т.д. Сама реформа имела несколько этапов. Во время правления Николая I, после публикации труда Сперанского "Полное Собрание Законов и Свод Законов" стали появляться мнения о необходимости изменения судебной системы. Это можно обозначить первым этапом. Затем к власти приходит Александр II, в обществе появляются надежды на изменения, либеральные настроения. Изменяется отношение и к реформированию суда. Возникают так называемые "непреложные начала", сформированные гр. Блудовым, в более либеральном стиле. В 1852 году в результате переписки между мин. юстиции и начальником II отделения Его Императорского Величества был учрежден особый Комитет для обсуждения предположенных изменений гражданского процесса. А также в Государственный Совет вносятся проекты по реорганизации различных областей судебной системы:

- 1857 г. - Уставов уголовного и гражданского судопроизводства;
- 1858 г. - Положение о присяжных поверенных;
- 1859 г. - Положения о судостроительстве;
- 1859 г. - Устава по преступлениям и проступкам;
- 1860 г. - "Закон о судебных следователях", принят Государственным Советом.

Начинается новый этап реформы. В 1861 году государственный секретарь В.П. Бутков в своей записке Государю указывает на необходимость "определения и утверждения основных начал" судопроизводства. В ответ Император поручает ему совместно с председателем Государственного Совета Д.Н. Блудовым подготовить подробный доклад о порядке рассмотрения в Государственном Совете проектов судебного преобразования. 23 октября 1861 года его утвердили. Согласно докладу, Государственная Канцелярия (П.Н. Даневский, С.П. Шубин, А.П. Вилинбахов) вместе с прикомандированными к ней юристами (Н.А. Буцковский, Н.И. Стояновский, Д.А. Ровнский, К.П. Победоносцев, А.М. Плавский) должна выделить из всех проектов, составленных при II отделении Его Императорского Величества "главные основные начала".

Направление либеральных взглядов в сторону Европы и возможность перенимать правовой опыт других государств, в особенности европейских, получило официальное разрешение только в 1862 году. Это ознаменовало новый этап в реформировании.

В январе 1862 года председатель в Государственном Совете кн. П.П. Гагарин получает Высочайшее разрешение на право преобразование судебной части в России на основе опыта науки и права европейских государств. В результате, Комиссия уже к апрелю 1862 года представила императору "Основные положения преобразования судебной части России". В апреле - июле 1862 г. "Главные начала" рассматривались соединенными департаментами Государственного Совета, а затем общим собранием совета. 29 сентября положения были Высочайше утверждены и опубликованы в Собрании узаконений и распоряжений правительства для всеобщего обсуждения. Создается комиссия при Государственной Канцелярии - председатель В.П. Бутков. Ее задача - составить проекты Уставов в соответствии с "Основными началами". Для детальной разработки различных направлений Уставов, комиссию разделили на три секции: гражданскую, уголовную и судопроизводства.

Осенью 1863 г. проекты Учреждения Судебных Установлений и Уставы Гражданского и Уголовного судопроизводства поступили на заключение II отделения и министра юстиции Д.Н. Замятина. С декабря по октябрь 1863 г. проекты вместе с замечаниями обсуждались в соединенных департаментах и в общем собрании Государственного Совета. 20 ноября 1864 г. «Судебные Уставы» были подписаны Александром II. Они состояли из четырех частей: Учреждения судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Реформа судебной системы, проходила последовательно и включала в себя несколько этапов. Изменения, происходящие в государстве и его политике, изменяли и ход, и направленность судебной реформы.

Список литературы

1. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России / Б.В. Виленский. – Саратов.: Приволж. КН. Изд-во, 1969. – 400 с.

2. Гессен И.В. Судебная реформа / И.В. Гессен. – СПб.: типо-литография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. – 267 с.
3. Джаншиев Г.А. С. И. Зарудный и судебная реформа / Г.А. Джаншиев. - М.: тип. Е. Гербек, 1889. - 186 с.
4. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы: Сборник статей / Г.А. Джаншиев. - М.: "Статут"; РАП, 2004. - 316 с.
5. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы / А.Ф. Кони. - М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1914. - 354 с.
6. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России / М.Г. Коротких. - Воронеж.: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. - 185 с.
7. Российское законодательство X-XX веков. в 9 т. / О.И. Чистяков. - Т. 8: Судебная реформа. - М.: Юридическая литература, 1991. - 496 с.
8. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 т. Т. 12. - СПб, Типо-Литография И.А. Ефрона, 1894. - с. 309-312

СЕКЦИЯ №2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Еропова Е.В.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г.Владимир

С началом эпохи индустриализации получение качественного образования стало рассматриваться в семьях немецкой буржуазии как единственная возможность обеспечить экономические основы существования незамужних дочерей. К тому же бедственное положение рабочего класса вынуждало женщину-пролетарку отходить от домашнего очага и идти работать на фабрику, т.к. заработки супруга не всегда обеспечивали необходимый уровень жизни семьи. К. Цеткин писала: «Женщины и девушки мелкобуржуазного класса были вынуждены, вследствие переворота в условиях их существования, принять за какую-нибудь профессию. Они обратились, поскольку это было возможно, к свободным профессиям и тем отраслям промышленности, которые граничат с искусством. Не стремление к знанию, не внезапно возникшее сознание духовного равенства женщины и мужчины породило это стремление женщин к образованию. Это был, в сущности, переворот в экономических условиях. Вопрос шел о куске хлеба, о котором необходимо было позаботиться на тот случай, если для женщины не найдется кормилец, в образе мужа» [4]. Однако, в немецком обществе, несмотря на явную необходимость предоставления женщинам высшего образования, традиционно продолжали считать, что место женщины в семье.

Если в США женщины могли получать высшее образование с 1853 г., во Франции - с 1863, в скандинавских странах - с 1870, в Англии и Голландии - с 1878 г., а в университет Цюриха слушательницы допускались с 1840-х гг., то в Германии в это время основным женским учебным заведением были начальные школы для девочек [1]. Начальное образование было обязательным для всех мальчиков и девочек с 6 лет. С 1888 г. оно предоставлялось бесплатно. Курс народной школы делился на три ступени и предполагал изучение отечественного языка, арифметики, Закона Божьего, истории, географии, геометрии, элементарного естествознания, рисования и пения. Однако уже в начальной школе отмечается плохая организация обучения женского образования. Исследователь Мижуев П. Г. заметил, что «в отношении усвоения сведений по арифметике к девочкам предъявляются меньшие требования, чем к мальчикам» [3].

Конечно, в Германии имелись и средние учебные заведения для женщин, но доступ к ним был ограничен в силу платности обучения. К 1880 г. было основано до 180 женских гимназий. В это время существовало два типа женской средней школы: *hohere Madchenschule* и *Madchen Mittelschule*. В *hohere Madchenschule* курс обучения длился дольше, чем *Madchen Mittelschule*. К тому же в этом типе средней школы преподавали два новых языка. В общем, курс средних женских учебных заведений состоял из таких предметов: Закон Божий, немецкий, французский, английский языки, арифметика, история, география, естествознание, рисование, пение, чистописание, рукоделие. Больше всего времени отводилось на изучение Закона Божьего и рукоделие, а меньше всего на естественные науки. Гимназия имела не менее семи классов, курс обучения составлял не менее 9 лет.

Педагогический персонал состоял из мужчин с университетским образованием и из учительниц, получивших специальную подготовку для преподавания в женских гимназиях.

При схожей программе обучения мужских и женских гимназий, женские гимназии так и не были признаны той же категории, что и мужские. По этой причине они не давали возможности поступления в университет. В женских средних учебных заведениях не было переходных экзаменов, не выдавались награды за успешное обучение, т.к. это имело первостепенное значение только для мальчиков, которые впоследствии поступали в высшие учебные заведения.

В 1887 году германские университеты стали допускать к изучению права и медицины учеников реальных гимназий и реальных училищ. Тогда у женщин появился шанс получить доступ к высшему образованию. Однако, этого не произошло. Многочисленные петиции, поданные в 1888 и 1889 гг. в министерство народного просвещения союзных государств Германии о допущении женщин в университеты на медицинский, философский и прочие факультеты были оставлены без ответа. И 11 марта 1891 г., когда впервые в рейхстаге был поднят вопрос о женском медицинском образовании, рейхстаг не принял никаких решений по данному вопросу [3].

Женщинам, желавшим получить высшее образование, приходилось ехать в Швейцарию, где им открывал свои двери университет Цюриха. В конце 1880-х - начале 1890-х гг. Хелена Ланге организовала курсы для подготовки к экзаменам для поступления в университет. Через полгода после открытия берлинских курсов Ланге, подобные курсы были открыты в Лейпциге. Благодаря этим курсам немецкие женщины могли поступить в Швейцарский университет.

Для немецкой женщины был и другой способ продолжить обучение, начатое в гимназии. Это были педагогические курсы, по окончании которых женщина получала педагогическую профессию, дававшую право педагогической деятельности не только в начальном звене образования, но и в среднем. Исследователь Мижув П.Г. отмечает, что женский труд в сфере образования получил широкое применение в виду открытия большого количества школ и катастрофической нехватки мужчин-учителей, которых отталкивала низкая оплата учительского труда. Поэтому и пришлось прибегнуть к дешевому женскому труду [3].

Для поступления на педагогические курсы к кандидаткам предъявлялись следующие требования: возраст не моложе 16 лет, окончание курса гимназии, прохождение вступительных испытаний. По окончании педагогических курсов, девушки сдают экзамены на звание обыкновенной учительницы или на звание старшей или научной учительницы. Существовали и испытания на право быть начальницей женского учебного заведения [3].

Анализируя ситуацию, касающуюся женского образования Листер писала: «В итоге можно сделать вывод о том, что с одной стороны образование, получаемое в женских гимназиях и на педагогических курсах – хороший вариант удовлетворения стремления женщин к образованию. С другой стороны обучение в этих заведениях недостаточно для полного удовлетворения потребностей современной женщины» [3].

По словам К. Цеткин «новые условия производства уничтожили возможность деятельности женщины внутри семьи и создали новый путь для ее деятельности в обществе» [4]. Но деятельность женщины в обществе невозможна без предоставления ей права на высшее образование. По свидетельству Бебеля «число государств, допускающих женщин к занятиям в университетах и высших учебных заведениях, за последнее десятилетие быстро растет. Ни одно из государств, считающее себя культурным, не может долго противиться этому требованию» [1]. После долгой борьбы и Германия вступила на новый путь. 24 апреля 1899 г. женщины были допущены к медицинским и зубоврачебным экзаменам, а 28 июля 1900 г., женщины-врачи, выдержавшие экзамен за границей, если они немецкие подданные, допускаются к практике в Германской империи [1]. Таким образом, женщины могли получить профессию врача.

Однако, несмотря на некоторые уступки властей в сфере женского образования, сопротивление против допущения женщин к высшему образованию в обществе еще не было сломлено. Противники равноправия между мужчинами и женщинами утверждают, что у женщины мозг меньше, чем у мужчины. Этим фактом они стремятся доказать то, что женщина не может быть способной к обучению. Но факты, приведенные учеными и антропологами, разрушают это старое представление о том, что духовные способности можно измерять по объему черепа и весу мозга. «Твердо установлено, что, как по величине тела нельзя судить об его силе, так точно и по весу мозговой массы нельзя судить об умственных способностях» [1]. Этой точки зрения придерживались известные ученые-антропологи Р. Пирл, В. Дукворт, Кольбрюгге и др.

И хотя сопротивление общества было достаточно сильно, вопрос, касающийся высшего женского образования, был решен в пользу женщин.

18 августа 1908 г. вышел указ, допускающий женщин в качестве полноправных студентов в университеты Пруссии. С 1909 г., несмотря на массовые протесты профессоров, женщины могли зачисляться в студенты во

всех университетах Германии. Власти Германии поняли, что быстрое развитие общественных отношений и увеличение женского населения делают получение высшего образования женщинами крайне необходимым. Официальная аргументация указа 18 августа 1908 г. гласит: «Перевес женского населения над мужским и возрастающее безбрачие мужчин в высших слоях общества принуждают большой процент девушек образованных классов к отречению от своего естественного призвания быть женой и матерью. Необходимо проложить пути к соответствующим их воспитанию профессиям для получения необходимых средств к жизни не только учительским трудом, но и другим общественным положением, имеющим в основе университетское образование, поскольку последнее возможно для женщины» [1].

Веймарская республика окончательно закрепила за женщинами право на высшее образование. С 1913 по 1931 г. их доля среди студенчества возросла с 6,3 до 16%. Большинство женщин, получивших высшее образование, работали учителями полных средних школ, однако некоторым удавалось выдержать жестокую конкурентную борьбу и получить место преподавателя университета, адвоката или судьи [2].

Таким образом, борьба женщин за образование принесла свои плоды. С 1908 г. женщина имела право обучаться не только в женских гимназиях двух типов, но и получить высшее образование наравне с мужчинами. Если раньше единственной возможностью для девушки продолжить образование было поступление на педагогические курсы, по окончании которых она получала педагогическую профессию, то теперь им была открыта возможность поступления в университет на медицинский, философский и прочие факультеты. В связи с этим женщины также получили доступ к новым профессиям и занятиям, которые им были недоступны ранее. Получив профессию, женщина теперь могла позаботиться о себе сама и быть независимой от мужчины.

Список литературы

1. Бебель, А. Женщина и социализм / А. Бебель. – М.: Госполитиздат, 1959. – 592 с.
2. Ермаков, А.М. Женщины в Германии в первой половине XX века: Практикум. / А.М. Ермаков. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2003. – 95 с.
3. Мижуев, П.Г. Женское образование и общественная деятельность в Германии. / П.Г. Мижуев. – СПб.: Изд-е журнала Русская школа, 1905. – 117 с.
4. Цеткин, К. Женщина и ее экономическое положение / К. Цеткин. – Петроград: Петроградский Совет рабочих и красноармейский депутатов, 1919. – 40 с.

КУЛЬТЫ РИМСКОЙ АРМИИ НА ВЕРХНЕ-ДУНАЙСКОМ ЛИМЕСЕ

Соловьянов Н.И.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Стоящая перед историками задача всестороннего изучения цивилизаций прошлого предполагает изучение такого аспекта истории Древнего Рима, как религия и культы римской армии. В статье выявляются религиозные культы воинов римской армии, расквартированной на верхне-дунайском лимесе. Как легионеры, так и ауксилиарии обращались лишь к официальным богам греко-римского пантеона. Но хоронившие их родственники и наследники позволяли ваятелям изображать на надгробиях исконно – национальных, родовых божеств.

Римская цивилизация представляет большой интерес с точки зрения воплощенного в ней исторического опыта. Она имеет обширную документальную источниковую базу, а поэтому давно остается в центре внимания исследователей.

С конца XIX в. изучение её военной истории развивается наиболее динамично. Источниковая база для этих исследований постоянно, можно даже сказать ежедневно, пополняется за счёт новых эпиграфических открытий. Учёные-историки всё больше обращают внимание на жизненные темы, такие как культурная и идеологическая роль армии, прежде всего в провинциях римской державы

Однако, несмотря на то, что за последние полтора столетия в нашей стране и за рубежом появилось достаточно много публикаций по проблемам военной истории Рима, изучение такого весьма интересного аспекта одной из наиболее развитых античных цивилизаций, как религия римской армии, еще только начинается.

В этом потоке работ, в подавляющем большинстве которых исследуются чисто военные вопросы: принципы комплектования и организации армии, дислокация частей, их этнический и социальный состав, тактика ведения боевых действий, вооружение, снаряжение, фортификация и т. д. – крайне редко встречаются работы,

специально посвященные изучению религии армии, анализу культов, отправлявшихся солдатами, офицерами и ветеранами.

В мировой историографии тема также лишь обозначена. Комплексных исследований нет, хотя общеизвестно, что величие такой мировой средиземноморской державы как Римская империя держалось на двух столпах – религиозности жителей и профессиональной армии.

К настоящему времени специально исследованы культы римской армии в Британии (Дж. Ричмонд, Н.И. Соловьянов), Западных провинциях (Н.И. Соловьянов), Африке (Н.И. Соловьянов), Риме и Италии (Н.И. Соловьянов), дунайско-балканском регионе (Н.И. Соловьянов, С. М. Рубцов, А. В. Колобов), Восточных провинциях (Н.И. Соловьянов). Исследования показали, что расквартированные в провинциях воины почитали лишь официальные римские божества, имеющие отношения к государству, армии, к заздравному и погребальному культу, изредка обращаясь к наиболее чтимым восточным и местным богам. [Соловьянов, 2012, 25-31].

Цель данного исследования – выявить пантеон и особенности культов, отправлявшихся воинами пограничной римской армии на территории альпийской (горной) части течения Дуная.

Первостепенное значение для решения этой задачи имеют эпиграфические памятники: посвятительные, строительные, надгробные надписи и вотивные рельефы воинов.

В 168 г. до н. э. в результате первой Македонской войны на этих землях была провозглашена римская провинция Иллирия, однако внутренние области страны были подчинены Риму только Августом Октавианом после Иллирийской войны 35 г. до н. э. С этого времени иллирийцы стали быстро романизироваться. Для Римской империи Иллирия имела немалое военно-стратегическое и хозяйственное значение: иллирийцы поставляли Риму дерево, скот, зерно. Коренное население было достаточно пестрым, включало германские (винделики, варисты, тавриски), кельтские (гельветы, карны), алано-скифо-сарматские (бойи, геркуниаты) и иллиро-далматинские (иллирийцы, япиды, либурны, скордиски, далматы, автариты, пирусты) родовые объединения.

Местные племена оказывали отчаянное сопротивление римлянам, неоднократно поднимая восстания.

После подавления будущим императором Тиберием иллирийского восстания 6-9 гг. до н. э. провинция была поделена на Нижнюю Иллирию - Паннонию и Верхнюю Иллирию - Далмацию. Как таможенная зона Иллирия включала также Рецию и Норик.

В регионе в разные периоды I-III вв. стояло одновременно от 3 до 6-ти легионов. Среди них: VII Македонский, XI Клавдиев, VII Клавдиев, VIII Испанский, XV Аполлинарский, I и II Вспомогательные, X, XIII, XIII Близнецов, II и III Итальянские. Кроме того, через эти земли пролегал магистральный коридор, по которому проходили все воинские части, направлявшиеся с запада на восток и обратно для участия, как в боевых действиях, так и в гражданских войнах, неоднократно сотрясавших Империю в период раннего принципата. Так различными источниками зафиксировано присутствие легионов, не входивших в состав постоянного гарнизона: I Германского, II Парфянского, III Флавиева, VII Близнецов, VIII Августова, XX Валериева и др. [Ritterling, coll. 13262 etc.].

То же можно сказать и о вспомогательных частях. Эпиграфические памятники свидетельствуют о пребывании в регионе следующих подразделений: ala Claudia nova [ILS 2505], ala prima Pannoniorum Tampiana [ILS 2515], ala Augustae [ILS 2524], ala prima Hispanorum Auriana [ILS 2527], cohors milliaria Maurorum [ILS 2552], cohors V Delmatarum [ILS 2561], cohors prima Lucensium [ILS 2563], cohors secunda Raetorum [ILS 2566], cohors prima Belgarum [ILS 2579], cohors I Britanicae [ILS 2581], cohors III Alpinorum [ILS 2582], cohors VIII voluntariorum [ILS 2583], cohors XI Gallorum [ILS 2593], cohors I Campestris [ILS 2597], cohors primae Batavorum milliariae [ILS 2598], а также кораблей Паннонской Флавиевой флотилии [ILS 2912].

В плане практической сакральной деятельности от римских легионеров до нас дошли следующие вотивные памятники: императору Тиберию, императору Каракалле, императору Александру Северу, а также высшим богам римского пантеона: Юпитеру Наилучшему Высочайшему за здоровье императора Элагабала; посвящения Юпитеру Наилучшему Высочайшему и Юноне Царице, Минерве, Марсу, Вулкану, Геркулесу в римском варианте, местным богам-врачевателям Эскулапу и Гигии. В одной из надписей упоминается сигнифер - воин, носящий изображения священного знака легиона [ILS 2912, 2280, 2382, 2456, 2442, 2410, 2431, 2353, 2390, 2363, 2453, 2474, 2409, 2235].

Итак, легионеры обращались лишь к официальным богам греко-римского пантеона.

Несмотря на обилие вспомогательных частей, проходивших через интересующую нас территорию, вотивных памятников, очень мало: Меркурию, за здоровье императора Антонина Пия, Юпитеру Наилучшему Высочайшему от триерарха Паннонской Флавиевой флотилии, Виктории Цезарей [ILS 2527, 2912, 2524].

Далее надгробия с традиционными обращениями к богам подземного царства Манам [ILS 2359, 2386, 2388, 2395, 2460].

Очень много надгробий без посвящений богам и даже рельефов. Однако, два из них весьма интересны. На надгробии всадника алы Тита Флавия Кренкиса, судя по когномену и месту рождения, - романизированного при флавиях фракийца - наличествует рельеф фракийского Героя-всадника, а погребальную стелу воина испанской алы увенчивает не менее интересный рельеф воина с двумя ведомыми под уздцы лошадьми [ILS 2515, 2529].

Таким образом, в официальных сакральных надписях ауксилиариев также как и у легионеров, присутствуют только официальные боги греко-римского пантеона. А на надгробных рельефах - свои родные.

Как легионеры, так и ауксилиарии обращались лишь к официальным богам греко-римского пантеона, но хоронившие их родственники и наследники (*heredes*) позволяли ваятелям изображать на надгробиях исконно национальных, родовых божеств.

Список литературы

1. Соловьянов Н.И. Религия римской армии. К историографии проблемы // История мировых цивилизаций: культурные события как отражение общественных процессов: материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. 27 апреля 2012 г. Красноярск: КГПУ, 2012. С. 25-31.
2. Desau H. Inscriptiones Latinae Selectae. Berolini. Vol. I–IV. Ed. 2. 1954-1955.
3. Ritterling E. Legio // Pauly-Wissowa-Kroll. Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart. Bd. XII (1925). Coll. 13262 etc.

СЕКЦИЯ №3.

АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕМЕСЛЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВ НА АЛТАЕ В ГУННО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Соенов В.И., Константинова Е.А.

Горно-Алтайский государственный университет, г.Горно-Алтайск

Работа публикуется в рамках научно-исследовательского проекта госзадания Минобрнауки Российской Федерации «Системы природопользования и производственные технологии древних и традиционных обществ Горного Алтая» (код проекта 536).

Суровые природно-климатические условия Алтая [7] обусловили существование у населения комплексного хозяйства с глубокой древности [13; 14; 16]. Главную роль в этом хозяйстве с ранней бронзы играло животноводство. К скифскому времени складывается табунное животноводство. Население занимает остепененные участки между гор и в долинах рек, то есть там, где было возможно вести такое хозяйство (яйлажно-горнодолинный тип хозяйства). При этом предполагалась определённая смена мест проживания в течение года, в чём прослеживалась характерная цикличность [8; 20]. Кроме того население занималось охотой, рыболовством, а также земледелием, о чём говорят находки зерна, оросительных каналов и орудий, в том числе ручных мельниц, принадлежащих к комплексу развитых форм земледелия [16].

На Алтае складываются особые формы ремесленных производств, основанные на переработке продуктов натурального хозяйства. Уже у «пазырыкского» населения они достигают достаточно высокого уровня. Наметилась тенденция к преобразованию отдельных домашних производств в самостоятельные специализированные виды деятельности [17]. Однако окончательного оформления ремесла как отдельной формы производства, судя по всему, не произошло [20]. Ремесленные производства населения гунно-сарматского времени, развивались на основе ремесла «пазырыкцев», участвовавших в формировании «булан-кобинцев» [6; 12; 15].

Сложение ремесленных традиций населения булан-кобинской и майминской археологических культур в гунно-сарматское время происходит отчасти под влиянием центрально-азиатских событий. Алтай как северная окраина Центральной Азии в значительной мере испытывал влияние этих процессов, связанных с созданием и сменой империй гуннов, сянби и жужаней. Это отражается в предметном комплексе булан-кобинских погребений [19]. На Алтае обнаружен также, вероятно, собственно гуннский производственный памятник – Юстыдские керамические обжиговые печи [5]. Похожие на юстыдские керамические вазы неместной технологии

производства найдены в булан-кобинском памятнике Яломан-II [18]. Все эти изделия имеют аналогии в памятниках гуннов Монголии и Забайкалья [4], особенно на Иволгинском комплексе [1; 2]. Свидетельства влияния гуннской ремесленной традиции керамического производства на изготовление керамики булан-кобинским населением Алтая зафиксированы на памятнике Усть-Эдиган [22].

Северные районы Алтая, где в гунно-сарматское время сложилась майминская археологическая культура, могли унаследовать некоторые традиции ремесла быстрянской культуры северных предгорий. Кроме всего прочего, «майминцы» могли испытывать на себе также влияние носителей лесостепных культур Верхнего Приобья. Так, например, на поселении Майма-I обнаружено пряслице похожее по форме и орнаментации на изделия кулайской культуры, фрагменты керамики близкие к одинцовской керамике [3].

На фоне центрально-азиатских событий того периода военная обстановка на Алтае была нестабильной. Например, по подсчетам С.С. Матренина, не менее 70% «булан-кобинских» мужчин было вовлечено в военную деятельность. Данный факт должен был, так или иначе, повлиять и на ремесленные занятия. Например, увеличившаяся потребность в предметах вооружения могла способствовать ещё большему обособлению кузнечного дела, в результате чего оно приблизилась к другой форме ремесла – производству изделий на заказ. Исследователь определил, что «элементарным биосоциальным организмом алтайского населения в гунно-сарматское время была семья, основанная на кровнородственных связях и представляющая собой отдельное домохозяйство, в рамках которого осуществлялась основная производственная деятельность» [9]. На наш взгляд, в гунно-сарматское время уже не все производства сосредотачивались в пределах одной семьи.

В домашнем хозяйстве преобладала обработка продуктов животноводства: выделка шкур, производство текстиля, обработка кости и т.д. Эти занятия целесообразно считать женскими, за исключением, вероятно, косторезного дела. Отчасти это находит подтверждение в этнографических материалах по кожевенному делу [21]. Затруднительно говорить и о том, кто занимался производством текстильной продукции. На наш взгляд, вполне целесообразно предполагать, что данное производство делилось на несколько стадий, в которых могли быть задействованы разные половозрастные группы населения. Это такие стадии, как сбор и обработка сырья – шерсти; прядение/ валяние; ткачество/ вязание/ плетение (при прядении); покрой, пошив, аппликация (при валянии, при необходимости в этом); покрой и пошив (при ткачестве). В монографии по изучению текстиля и костюма пазырыкцев Н.В. Полосьмак и Л.Л. Баркова приводят ряд археологических и этнографических свидетельств относительно производства текстиля женщинами и мужчинами [11]. Рассмотрев эти источники, они предполагают, что домашнее ткачество у скотоводческих народов было делом мужчин в силу их меньшей занятости. На наш взгляд, такое занятие, как производство текстиля не было закреплено за тем или иным полом [17]. В зависимости от обстоятельств (военная обстановка, занятость другими хозяйственными делами и др.) отдельные стадии всего процесса либо весь процесс производства мог выполняться как женщинами, так и мужчинами. К тому же здесь могла играть свою роль и сезонность. Ввиду того, что большинство стадий текстильного производства являются достаточно длительными – до нескольких месяцев [10; 11] – их выполнение могло откладываться на менее активные в хозяйственном плане сезоны, например, зимний период.

Что касается керамического производства, то в нём могло участвовать как мужское население, так и женское, в зависимости от ситуации. Женские домашние ремёсла и керамическое производство могли существовать практически в каждой семье. Для их функционирования не требовалось сложного оборудования, высокой профессиональной подготовки. В одной из работ по изучению майминской керамики было отмечено наличие на четырёх фрагментах отчётливых следов пальцев на придонной части, оставшееся после соединения дна с туловом. Отпечатки пальцев небольшие – женские, возможно детские. Ещё один обломок имеет следы пальцев, которые небрежно заглажены [3].

Мужскими занятиями были трудоёмкие ремесла – металлообработка, деревообработка и т.п. В условиях нестабильной политической обстановки и вовлечённости большого числа мужского населения в военные действия вряд ли мужчины в какой-либо степени брали на себя женские ремёсла. Часть мужских отраслей в гунно-сарматское время, вероятно, практически полностью отделяется от домашних ремесленных производств. Это такие производства, как металлургия, металлообработка и ювелирное дело, и отчасти деревообработка. Косторезное дело занимает промежуточное положение между домашними ремёслами и производством продукции на заказ. Для овладения этими ремёслами были необходимы большой объем знаний, инструмент, специальные производственные приспособления и сооружения.

Таким образом, сложение местных традиций обработки материалов на Алтае было обусловлено рядом предпосылок и условий. Важнейшим естественным фактором, под влиянием которого происходило формирование и развитие ремесленных производств, явились суровые резко континентальные природно-климатические условия региона, которые обусловили существование комплексного хозяйства. Ремесленные производства «булан-кобинского» и «майминского» населения гунно-сарматского времени, развивалось на

основе ремесла «пазырыкцев» и, возможно, «быстрянцев», отчасти под влиянием центрально-азиатских событий. Мужскими занятиями были трудоёмкие отрасли, которые в исследуемое время, наверное, практически полностью отделяются от домашних ремесленных производств. Остальные ремёсла в этот период продолжают функционировать в рамках домашних производств.

Список литературы:

1. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. // Археологические памятники сунну. – СПб.: АзиатИКА, 1995. – Вып. 1. – 287 с.
2. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. // Археологические памятники сунну. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – Вып. 2. – 176 с.
3. Киреев С.М. Поселение Майма-I в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. – С. 165-191.
4. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. – 221 с.
5. Кубарев В.Д., Журавлёва А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 101-119.
6. Мамадаков Ю.Т. О роли миграций в демографических процессах в Горном Алтае в гунно-сарматское время // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: АлтГУ, 1994. – С. 129-132.
7. Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая: учебное пособие по спецкурсу. – Барнаул: БГПИ, 1987. – 109 с.
8. Мартынов А.И. О хозяйственном освоении территории скифо-сибирского мира // Исторический опыт освоения Сибири. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1986. – С. 11-14.
9. Матренин С.С. Социальная структура населения Алтая хуннуско-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Барнаул, 2005. – 253 с. / Архив НИЦ ИКТН ГАГУ.
10. Пессель М. Заскар. – М.: Мысль, 1985. – 188 с.
11. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV-III вв. до н.э.). – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 332 с.
12. Соенов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Автореферат дисс... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997 – 22 с.
13. Соенов В.И. Рыболовство на Алтае // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – № 6. – С. 16-32.
14. Соенов В.И. Собирательство растительной пищи на Алтае // Древности Алтая. Межвузовский сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – № 9. – С. 18-30.
15. Соенов В.И. Археологические памятники Алтая гунно-сарматского времени (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003а. – 160 с.
16. Соенов В.И. Земледелие на Алтае в древности и средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 2003б. – С. 169-172.
17. Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2015. – 248 с.
18. Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннского времени могильника Яломан-II (Алтай) // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: АлтГУ, 2005. – С. 129-135.
19. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. – М.: ИА РАН, 2006. – № 3. – С. 31-40.
20. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: АлтГУ, 2003. – 403 с.
21. Тощакова Е.М. Кожаная и деревянная посуда и техника её изготовления у южных алтайцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 182-197.
22. Худяков Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1998. – С. 206-211.

**СЕКЦИЯ №4.
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)**

**СЕКЦИЯ №5.
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)**

**СЕКЦИЯ №6.
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)**

ОТ ЛИГИ НАЦИЙ К ООН: ВОПРОС О ЮЖНОМ ТИРОЛЕ

Сорвина М.Ю.

Кандидат искусствоведения, г.Москва

Summary.

This article observes the Region Süd-Tirol in the context of the Austrian either Italian identity. The collapse of the Austro-Hungarian war effort enabled Italian troops to occupy the region in 1918 and its annexation was confirmed in the post-war treaties, which awarded the region to Italy under the terms of the Treaty of Saint-Germain. Under the dictatorship of Benito Mussolini the German population was subjected to an increased forced programme of Italianization. Italy and Austria negotiated the Gruber-De Gasperi Agreement in 1946, put into effect in 1947 when the new republican Italian constitution was promulgated, that the region would be granted considerable autonomy. But the Paris agreement was a formality and autonomy has not been accepted. Discussion in the United Nations in 1960 also failed to produce results.

Keywords: Saint-Germain; United Nations; regional history; social-policy history; Italianization; German-language; autonomy.

Катаклизмы XX века привели к необходимости создания международных организаций, призванных решать спорные конфликты и защищать права народов. Прошрое столетие оказалось разделено на эпохи двух мировых войн, которые и привели к появлению сначала Лиги наций (1919, Париж), а потом ООН (1945, Сан-Франциско). Используя афористичные слова британского дипломата Гарольда Никольсона о том, что «худший сорт дипломатов – это миссионеры, фанатики и адвокаты» [5, 38], можно предположить, что Лига наций была создана миссионерами, а ООН – адвокатами. Обе эти организации закрепляли права решающего слова за ведущими державами, и обе не смогли разрешить ни одного серьезного международного конфликта. Одним из доказательств этого стала судьба народа Южного Тироля.

1. Сен-Жермен. 1919 год

Великая война 1914-1918 годов закончилась, и осенью 1919 года дипломаты стран-победительниц собрались в Сен-Жермене, чтобы решить дальнейшую судьбу Европы. Над переговорщиками дамокловым мечом висел австро-итальянский вопрос – наследство тайного Лондонского соглашения 1915 года, на котором итальянцы затребовали 16 австрийских территорий в обмен на свой выход из Тройственного союза и вступление в войну. Теперь они напомнили о лондонских обещаниях, поставив США и Европу в неловкое положение. Немецкий этнос Южного Тироля предстояло передать в полное распоряжение Италии, несмотря на то, что речь в данном случае шла о столетнем межнациональном конфликте, т.е. судьбу этого региона и его жителей можно было предсказать, не будучи оракулом.

Член Британской делегации Гарольд Никольсон в своих воспоминаниях отразил общее настроение на Сен-Жерменских переговорах о переделе границ: «Итальянская проблема /.../ превратилась для всех, кто это понимал, в испытание всей конференции. В зависимости от трактовки Лондонского договора Вудро Вильсоном мы решили судить о том, чего стоит сам президент. Он подвергался испытанию и пошел на компромисс. Мы, может быть, поступили несправедливо, взяв этот оселок для испытания, но так уж случилось», - и далее: «Мы были поражены его провалом и перестали верить, что президент Вильсон, за которым мы следовали, действительно пророк. С этого момента мы видели в нем не более как пресвитерианского классного наставника» [6, 138].

С удивительной для дипломатов мирового уровня поспешностью на переговорах решалась дальнейшая судьба целого народа. По словам русских историков, миссионерство Вильсона ничего общего с пророчеством не имело. «Наиболее предпочтительным концом войны было бы для США отсутствие в ней победителей /.../ Поток пацифистских фраз Вильсона и его выступления с целью примирения воюющих держав имели под собой весьма реальную почву: вся его дипломатия пацифистских деклараций отвечала заинтересованности американского империализма сохранить в Европе две соперничающие группировки великих держав» [12, 35].

Никольсон с горечью признавался: «Я не считаю, что мы были правы, бескорыстны, искренни или даже честны, поступая таким образом. Я говорю лишь о том, что фактически было сделано нами» [6, 138].

Решалась судьба австрийских территорий, ставших разменной монетой этой парламентской войны амбиций и личных интересов: «...Для итальянцев было неудобно, что их требования распространялись на те части бывшей вражеской территории, население которых вызывало теплые чувства в сердцах представителей присоединившихся и союзных государств» [6, 138].

В те дни Италия раздражала дипломатов своими воинственными амбициями и выступлениями. На заседании 24 мая 1918 года, в 11 утра, французский премьер Жорж Клемансо, возмущенный антифранцузскими выходками в Милане, сказал, что ему «пришла в голову мысль образовать военный союз некоторых бывших австро-венгерских государств с соблюдением специальных гарантий» [1, 316]. Это был резкий ответ на антифранцузские настроения в Италии, запрет на исполнение французского гимна и националистические выходки против расквартированного в Милане французского корпуса.

Президент Вильсон также не раз высказывался о праве австрийских народов на самоопределение, а в 10 пункте подготовленного устава говорилось, что народы Австро-Венгрии должны получить широчайшую возможность автономного развития.

Сама Австрия в тот момент выглядела «сиротой»: она лишилась и германской поддержки, и собственной имперской династии. Престарелый Франц Иосиф умер в конце ноября 1916 года, а его племянник Карл не способен был управлять страной и продержался на троне лишь два года. Но особенно пострадали от войны южане – тирольские немцы.

Николсон писал, что «тирольцы нравились всем»: «Г-н Ллойд Джордж, как сообщали, испытывал своего рода благоговение перед памятью Андреаса Гофера» [6, 138] и «ничто не могло скрыть того основного факта, что выполнение обязательств тайного договора нарушит принцип самоопределения и поставит под власть Италии около двух миллионов людей вопреки их собственной воле» [6, 137].

В этой обстановке дипломаты недавно присоединившейся к европейским державам Италии чувствовали себя как просители. Но еще больше они опасались давления собственной страны, пребывавшей в тот момент на пике милитаристских амбиций. В конце концов, именно представлявший делегацию Саландра, будучи премьером, провозгласил в начале войны новую национальную идею – «священный эгоизм». И теперь итальянцы были полны решимости добиться выполнения требований. Поэтому истинным местом переговоров стал не официальный зал в Сен-Жермене, а отель «Эдуард VII», в котором велись кулуарные интриги. Именно там Антонио Саландра и Сидней Соннино воздействовали на влиятельного махинатора и торговца оружием Андре Тардье, имевшего связи в США и составлявшего документы для Сен-Жермена. Роль творца судеб нравилась Тардье, и в одну из ночей после прогулки в Булонском лесу он от руки набросал для итальянцев документ, небрежность которого заставила Ллойд Джорджа поморщиться [1, 334-335]. Однако все пункты этого документа были приняты, а судьба нескольких тысяч австрийцев решена окончательно и безоговорочно.

Существовало также мнение, что причиной «неприятной уступки» президента Вильсона стал его восторг от посещения Рима в 1918 году: тогда итальянцы обещали в случае уступок сделаться преданными «вильсонизмцами» и согласиться со всеми другими вопросами договора. Однако эта версия не убеждала участвовавшего в переговорах Никольсона, который считал, что «нет никаких объяснений, почему президент в самом конце конференции согласился передать 230 тысяч тирольцев под итальянское управление, в явное нарушение самого основного из 14 пунктов». По его мнению, объяснением было то, что «Вудро Вильсон в то время совсем не знал, что именно означали его уступки. Он впоследствии признавался д-ру Чарльзу Сеймуру, что его капитуляция в этом вопросе произошла вследствие “недостаточного его изучения”» [6, 141]. О том же говорил и американский эксперт по Европе, профессор Арчибалд Кулидж: «Среди нас было распространено основательное убеждение, что Вильсон дал свое согласие необдуманно и затем искренно сожалел об этом, но чувствовал, что связан своим словом» [6, 141].

Отношение австрийцев к соотечественникам из Южного Тироля, оказавшимся в составе Италии, выразилось в словах первого президента Австрии Карла Зайца: «Единственное, что мы можем вам сказать – что мы, как ваши братья, вместе с вами разделяем то страдание, которое обрушилось на вас и еще предстоит. И, если это может служить утешением, знайте: отделение не отдалило вас, вы лишь теснее сблизитесь с нами, и

отношения наши станут еще более близкими. Никакое насилие и никакой запрет не смогут разорвать узы любви и верности, которые нас связывают» [5, 11].

2. Путь в ООН

Испытав на себе всю тяжесть 20-летнего фашистского правления Муссолини (1923-1943) и двухлетний гнет гитлеровской Германии (1943-1945), южные тирольцы рассчитывали на пересмотр границ после окончания Второй мировой войны, но и эти надежды не сбылись. В 1946 году канцлер Австрии Леопольд Фигл конфузливо утверждал, что тирольцы могут еще потерпеть, ведь двадцать лет ничто в жизни нации, а в это время им нужно дать понять, что они до сих пор считаются австрийцами.

Но время работало против южных тирольцев. Жорж Клемансо как-то сказал в связи со схожим Эльзасским вопросом: «В течение 50 лет мы были благородными страдальцами. Это прекрасно – благородные страдальцы. Но люди, идя на работу, проходят мимо, бросают слово утешения и отворачиваются» [10, 3]. В данном случае так и произошло: европейцы, в том числе и австрийцы, которым при разделе территорий в 1919 году повезло больше, привыкли отворачиваться от южно-тирольского вопроса. Пятидесятилетняя история Австрии, с ее войнами, аншлюсами, кризисами и подъемами притупила чувство солидарности, и австрийцы начали воспринимать проблему своих собратьев, оставшихся на итальянской территории, как историческую данность и необратимое прошлое.

Бруно Крайский относился к «вечно тлеющему вопросу» [7, 130] о сопредельной территории двойственно. С одной стороны, Австрия имела в отношении Южного Тироля т.н. «совещательный голос» и могла выражать «опасения» в связи с продолжающейся политикой геноцида немецкоязычного населения. С другой – министру иностранных дел Австрии, добившемуся для своей страны достаточно стабильного положения, очень не хотелось поднимать этот вопрос в ООН. Но медлить было уже невозможно: в Южном Тироле зрело народное возмущение и была создана подпольная организация BAS (Комитет борьбы за свободу Южного Тироля). С партизанскими лидерами опального региона Зепп Кершбаумером или Луисом Амплатцем Крайский встречался неохотно, нередко просто отменял уже назначенные встречи и исчезал в неизвестном направлении. Тогда вместо него в переговоры вступал сочувствовавший южным тирольцам советник министерства иностранных дел Франц Гшнитцер [4].

Лишь в 1960 году Крайский решился поставить вопрос о Южном Тироле на рассмотрение XV сессии ООН. Еще 10 мая в своем интервью Associated Press советник Гшнитцер сообщил, что Австрия затронет вопрос своих бывших территорий осенью 1960 года. 3 июня в Инсбруке состоялась конференция по вопросам Южного Тироля, а 28 июня было принято решение в совете министров Австрии. В качестве доказательства важности южно-тирольской проблемы упоминалось исследование Allensbach-Institut für Demoskopie (Алленбахский институт демоскопии, Германия), установившее, что 82 % жителей Южного Тироля выступают за воссоединение с Австрией [2, 85].

В то же время, итальянская сторона пыталась убедить ООН, что вопрос этот несерьезный и вообще относится к внутренней компетенции Италии. С этим заявлением выступил 11 июня 1960 года министр иностранных дел Антонио Сеньи – будущий президент Италии.

Для общемировых процессов момент, действительно, оказался не слишком удачным: ООН активно занималась вопросом деколонизации народов Африки и едва ли могла расслышать голос из самого центра цивилизованной Европы. На рисунке карикатуриста Пауля Флора были изображены чернокожие туземцы в национальной одежде, на правах хозяев встречающие в дверях ООН делегацию Южного Тироля. Подпись под рисунком гласила: «Вот и экзотические приехали!» [2, 87]. В южных тирольцах, по словам австрийского политолога Феликса Эрмакоры, «видели либо дураков, либо ярых националистов или безнадежных идеалистов» [2, 82].

В центральной Европе, по мнению ведущих держав, не могло быть иных проблем, кроме холодной войны и социалистического лагеря. К началу 1960-х годов Европа застыла в тревожном ожидании, причем перемены не желали ни в том, ни в другом политическом лагере. «Мы не хотим никакого изменения границ в Европе», – говорил министр иностранных дел СССР А.А. Громыко [2, 82]. «Мы вовсе не требуем самоопределения для Южного Тироля, но просим региональной автономии», – утверждал Крайский [2, 82].

Именно эти два фактора – деколонизация Африканского континента и холодная война – стали причиной равнодушия и Европы, и ООН к южно-тирольскому вопросу. На фоне глобальных мировых перемен он казался не столь значительным и совершенно непонятным. Италия, в свою очередь, стремилась отговорить ООН от рассмотрения южно-тирольского вопроса, раздуваемого, по мнению итальянской стороны, «неонацистами, замаскированными под демократов, инфицированными пангерманизмом и австрийским расизмом» [13, 510]. Именно эту фразеологию австрийский тележурналист Герд Бахер назвал впоследствии «совершенно удивительной аргументацией», подводившейся под южно-тирольский вопрос [9].

Премьер-министр Италии Фернандо Тамброни, еще в 1956 году утверждавший, что никакого южно-тирольского вопроса вовсе не существует, через 4 года, 25 июня 1960 году, писал письма канцлеру Австрии Юлиусу Раабу, пытаясь уговорить его не рассматривать этот вопрос в ООН, а передать его на рассмотрение суда в Гааге.

Немалые трудности вызвала и формулировка вопроса. Итальянцам не нравилось название, предложенное Крайским – «австрийское меньшинство в Италии». Глава делегации Гаэтано Мартино сказал на пресс-конференции, что не существует австрийского языка, расы или религии, поэтому он не понимает, что такое австрийское меньшинство [13, 515]. Удалось найти компромиссное решение – «Статус немецкоязычного населения провинции Больцано (Южный Тироль)». Под таким заголовком вопрос был включен в повестку дня Генеральной Ассамблеи.

3. Нью-Йорк. 1960 год.

Член делегации Южного Тироля, журналист Фридл Фолгер писал: «Мы приземлились в 8.10 по американскому времени. Перед нашим выходом весь интерьер тщательно опрыскали ДДТ. Американцы старались оградить себя от опасности европейских болезней. Но из аэропорта нас забрали сотрудники австрийской миссии, так что мы избежали таможенных формальностей. Мой номер был расположен на 11 этаже отеля. Я столкнулся с очень странным миром огромных домов и потока автомобилей /.../ Яркие огни Бродвея ослепили меня. Я мысленно сравнивал небоскребы Рокфеллер-центра и лачуги наших хуторов. Послал приветствие Статуе Свободы и подумал: может, ООН тоже принесет Южному Тиролю хоть немного свободы?» [11, 205].

В ООН было три комиссии – по политическим вопросам, по вопросам новой политики и по юридическим вопросам. Крайский добивался, чтобы южно-тирольскую проблему рассматривала политическая комиссия. В своем выступлении он сказал: «Мы вовсе не хотим раздувать южно-тирольский вопрос или преувеличивать его, но просим рассмотреть его во имя укрепления мира в Европе» [9]. Потом Крайский напомнил, что Южный Тироль 600 лет входил в состав Австрии, и привел слова Черчилля: «Я не знаю другого вопроса, который более этого подходил бы для рассмотрения в ООН». На это Мартино заявил, что Черчилль ошибался, после чего в рядах британской делегации возникло замешательство [13, 516].

Впрочем, все эти детали не играли существенной роли, потому что распределение сил на XV Ассамблее сложилось не в пользу тирольцев. После дебатов сложилось впечатление, что Италия сознательно эксплуатирует свою позицию в НАТО. Сверхдержавы склонялись в сторону Италии. Чувствуя это, итальянцы вели себя заносчиво. Министр иностранных дел Джузеппе Пелла вновь подчеркнул, что южно-тирольский вопрос – внутреннее дело Италии, вне компетенции ООН. В то же время Австрия из-за своей миротворческой миссии приобрела благоприятное реноме, и Крайского поддерживали Югославия, Панама, Япония, Китай и Ирак. Австрийский издатель Фриц Молден скептически писал, что «Австрия, соглашаясь на компромиссы, разбавила вино водой, но другого выхода не было: иначе южно-тирольский вопрос не включили бы в повестку дня, а медлить с ним было уже нельзя» [13, 516-517].

Несмотря на все усилия, южно-тирольская делегация уже догадывалась, что проблему региона в ООН решат формально. По этому вопросу Ассамблеей была принята резолюция, в которой говорилось, что ООН «настоятельно просит» стороны возобновить переговоры, «рекомендует», чтобы стороны «благожелательно обсудили» возможность урегулирования своих разногласий, «рекомендует также, чтобы упомянутые выше страны воздерживались от всяких действий, которые могли бы нанести ущерб их дружественным отношениям» [8]. В тот момент не был решен даже вопрос о статуте автономии, поставленный Крайским. Стало очевидно, что политики и дипломаты сверхдержав не знают и не хотят знать южно-тирольской проблемы.

Результатом равнодушия мировой политики к судьбе региона Южный Тироль стали последовавшие за этим события 1960-х годов: в Южном Тироле началось противостояние националистической тирании унитарного государства. Нарушения прав человека, многочисленные жертвы, годы тюремных преследования оказались на совести не только итальянской репрессивной машины, но и Организации Объединенных Наций, отмахнувшейся от реальной проблемы целого этноса.

В начале XXI века таких проблем, порожденных войнами и катаклизмами XX века, стало еще больше. И со всей очевидностью можно сделать неутешительный вывод, что ООН, как главный миротворческий орган, оказалась погребена под спудом этих национальных, региональных и трансграничных проблем, как это произошло и с Лигой Наций в преддверии Второй мировой войны.

Список литературы

1. Альдрованди Марескотти Луиджи. Дипломатическая война /Библиотека внешней политики. - М.: ОГИЗ, 1944.
2. Ermacora Felix. Südtirol und das Vaterland Österreich. – Wien-München: Amalthea-Verlag, 1984.
3. Die Italiener haben uns das Land gestohlen: Interview mit dem Südtiroler Partisanenanführer Luis Amplatz. – Der Spiegel. 4. März 1964.
4. Mosser-Schuöcker B., Jelinek G. Herz Jesu Feuernacht: Südtirol 1961. – Innsbruck: Tyrolia-Verlag, 2011.
5. Никольсон Г. Дипломатия / Библиотека внешней политики. – М.: ОГИЗ, 1941.
6. Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. /Библиотека внешней политики. – М.: ОГИЗ, 1945.
7. Petritsch Wolfgang. Bruno Kreisky: Die Biografie. /6. Aufl. – St. Pölten-Salzburg: Residenz Verlag, 2011.
8. Протокол заседания 15 сессия ООН от 31 октября 1960 года.
9. Südtirol Feuernacht – Zwischen Hoffnung und Gewalt //Regie: Birgit Moser-Schuöcker. RAI-Bozen, 2010.
10. Тардье А. Мир / Библиотека внешней политики. - М., 1943.
11. Vollger Friedl. Mit Südtirol am Scheideweg: Erlebte Geschichte. Innsbruck: Haymon Verlag, 1997.
12. Хвостов В.М. Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. – В кн.: История дипломатии в 5 тт. Т. III. М., Политиздат, 1965. С. 35.
13. Widmann Franz. Es stand nicht gut um Südtirol: 1945-1972. /2.Auflage. Bozen: Raetia, 2012.

ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)

СЕКЦИЯ №7.

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ РЕЛИГИИ И МИФОЛОГИИ ДРЕВНИХ БОЛГАР В БОЛГАРИИ

Комлев И.Г.

Волжский филиал ФГБОУ ВПО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)», г.Чебоксары

Историю разработки в Болгарии вопросов традиционной религии и мифологии древних болгар можно разделить на три периода: 1) от эпохи Освобождения Болгарии (1878 г.) до конца существования Третьего Болгарского царства (1879 – 09.09.1944 гг.); 2) от установления в Болгарии народной власти в 1944 г. до так называемой «бархатной революции» 1989 г.; 3) начинается с 10 ноября 1989 г., с крупных перемен в политической и общественной жизни, что, сказалось на развитии направления в болгарской этнографической науке и продолжается по сей день.

Разработка учеными Болгарии ряда вопросов истории своего народа, его прошлого, быта и традиционной культуры относится еще ко второй половине XVIII века. Можно утверждать, что в эту эпоху научные интересы деятелей национального болгарского Возрождения к изучаемому комплексу проблем носили историко-политический характер, и усиливались исследованием народно-бытовых традициями. На рубеже XIX-XX веков изучение религиозно-мифологического комплекса праболгар в Болгарии велось в рамках масштабной народоведческой работы: идет накопление источниковедческого материала, создается методологическая и методическая базы, начинаются первые опыты изучения протоболгарского наследия в традиционной духовной культуре болгарского народа.

В XIX столетии разработка вопросов этногенеза, славного прошлого народа во многом носила, на наш взгляд, конъюнктурный характер, была призвана укрепить народный дух, сформировать национальное самосознание в борьбе за независимость с Османской империей и в последующем с фашистской Германией.

Можно отметить ряд особенностей в развитии отрасли, изучающей религиозно-мифологический комплекс праболгар в болгарской науке до Освобождения: ярко выраженный патриотический контекст исследований нацеленный на усиление национальных чувств, национальной гордости у болгар; праболгарская религиозно-мифологическая система изучается в рамках господствовавших в европейской общественной мысли и науке методологических концепций и научных школ (романтизм, мифологическая школа); большее внимание уделяется

фольклорному творчеству; научная интерпретация этнографических материалов уходит на второй план или вообще отсутствует; интерпретация источников в большей степени связывалась с проблемой этногенеза болгарского народа (славянская теория Ю.И. Венелина, индийская теория Г.С. Раковского, фракийская теория Ц. Гинчева, идентификация праболгар с хунну историками Г. Крестевичем и М. Дриновым). Наличие многих из них предопределено историческими условиями, в которых возрождался и консолидировался болгарский народ.

В начале XX в. в болгарской исторической науке начинает утверждаться точка зрения о связи мадьяр и праболгар с гуннами профессора М. Дринова. По его мнению неславянам (кутигурам и утигурам) не было места в этногенезе болгарского народа. После победы социализма в Болгарии данная точка зрения абсолютизируется. Одной из главных задач при изучении этнической истории болгар на долгие годы станет анализ роли культуры славян и восприятие ими античной (греческой или византийской) традиции.

Новая трактовка болгарской этнографии и в частности, вопросов традиционной духовной культуры, дается в трудах ученых эпохи Освобождения Ив. Д. Шишманова, Д. Матова, Л. Милетича, М. Арнаудова, Хр. Вакарельского.

Ив.Д. Шишманова (1862-1928) одним из первых ставит вопрос о происхождении протоболгар, этимологии термина «болгарин», обращает внимание на близость отдельных элементов материальной и духовной культуры дунайских болгар и чувашей. В целях детального изучения названной проблемы в 1897 г. ученый предпринимает специальную поездку в Среднее Поволжье и, вместе с профессором Казанского университета И.Н. Смирновым, специалистом по этнологии народов края, побывал в ряде чувашских селений. Признавая, что в лингвистическом плане чуваша являются наследниками исчезнувших тюркоязычных болгар, болгарский профессор приходит к выводу, что по материальной культуре, обычаям и языческой мифологии чувашский народ является отороченным финнами, вероятно, как черемисы (марийцы). Результатом данного ошибочного, но очень авторитетного вывода стал отход от проблем сравнительного изучения этнографии дунайских болгар и народов Поволжья. Лишь в работах отдельных авторов проводились параллели в вышивке, национальной одежде, головных уборах и украшениях болгар и народов Среднего Поволжья (Ст. Костов, Е. Петева и др.).

Изучение традиционных верований с этого момента пошло по двум направлениям: подробный и кропотливый сбор этнографического материала, и исследование этого материала, его научная интерпретация с использованием сравнительно-исторического метода (Ц. Гинчев, Д. Маринов, П. Олжаков, П. Славейков, К. Шапкарев, Ил. Блесков, П.Цв. Любенов).

На рассматриваемый период приходятся первые опыты исследования этнографических явлений с марксистских материалистических позиций. В сфере интересов данной группы исследователей находились вопросы ведения хозяйства и аграрных отношений (экономисты-марксисты Ж. Натан, Т. Владигеров), особенностей народной психологии и нравственных черт, присущих болгарскому народу (социологи-марксисты Т. Страшимиров, Ив. Хаджийски и др.), вопросы болгарской общественной и семейной жизни (Д. Благоев).

Среди выдающихся собирателей фольклорного материала и традиционных народных верований следует отметить Д. Маринова, обобщившего весь накопленный к тому времени этнографический материал в своем капитальном труде «Народная вера и религиозные народные обычаи». Появление данных работ свидетельствует о зарождении направления в болгарской этнографии, занимающегося изучением вопросов религии и мифологии болгарского народа, в том числе праболгар. Именно в них традиционная болгарская народная культура впервые становится предметом специального рассмотрения.

Первым весь накопленный до него материал о мировоззрении протоболгар, систематизировал В. Бешевлиев. Его традиционный культурно-исторический подход вместе со знанием имеющихся источников дал возможность пролить свет на проблему протоболгарского мировоззрения. Для его работ характерно стремление дать общее представление о религии протоболгар, теоретически объяснить и сопоставить весь имеющийся в наличии эмпирический материал. Его труд и сегодня остается одним из наиболее полных в данной области.

На 1920-30-е гг. пришелся подъем в изучении проблем традиционного болгарского народного мировоззрения.

Период между двумя мировыми войнами в русле политики советофобии находившаяся у власти профашистская группировка использовала сферу культуры праболгар для гиперболизации роли данного этнического компонента в ущерб славянской составляющей этноса. Другой особенностью этого периода был особый интерес к вещественной культуре болгар особенно к сравнительному этнографическому исследованию.

Расцвет научной деятельности Хр. Вакарельского пришелся на время между двумя войнами. Он впервые занялся проблемой традиционных представлений о смерти. Ряд его очерков затрагивал тему русалок и описывал традиционные погребальные обычаи.

В этот же период появились сочинения, в которых авторами вели поиск античных параллелей в традиционной болгарской духовной культуре.

Отдельные стороны религиозных представлений протоболгар рассматривались В. Златарским; В. Кацаровым; Г. Фехером; С. Поповым и др.

Таким образом, рассматриваемый период изучения мифологии и древних верований болгар можно охарактеризовать как время энергичных энтузиастов – историков, литераторов, языковедов и других деятелей в культуры, как время систематизации этнографических материалов, увлечения интеллигенции всесторонним сотрудничеством в подходах, в организации исследовательской работы, как время расширения форм и методов этнографической. На этом этапе изучения праболгарской религии и мифологии ведется сбор источниковедческого материала, преимущественно фольклорного. Среди обобщающих работ, основанных на систематизации и комплексном использовании исторических источников в изучении праболгарской религии и мифологии, можно выделить только работы в будущем патриарха болгарской этнологической науки В. Бешевлиева.

Список литературы

1. Бешевлиев В. Вярата на прабългарите //Годишник на Софийския университет, богословски факултет (Ежегодник Софийского университета «Климент Охридский», богословский факультет). – 1938-1939. - XXXV. - С.1-64.
2. Благоев Д. Принос към историята в България. – София, 1976.
3. Вакарелски Хр. Етнография на Българитя. – София, 1974.
4. Денисов П.В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969.
5. Дринов М. Поглед върху произхождението на българска народ и начала на българската история //Избр. соч. - София, 1971. - Т. 1.
6. Златарски В. История на българската държава през средните векове. - 1918. – Т.1.
7. Кацаров Г. Народни поверия от древно и нововреме //Сб. Иширков. - София., 1943.
8. Маринов Д. Народна вяра и религиозни на родни обичаи //Сборник на народни умотворения (Сборник народного творчества, фольклора). - Год. XXVIII. - 1914. - С.8-31.
9. Фехер Г. Ролята и културата на прабългарите. Значението на прабългарската и старомаджарската култура в изграждането на цивилизацията на Източна Европа. - София, 1997. – I-VIII.

ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)

**СЕКЦИЯ №9.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02)**

**ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СТАБИЛЬНОМ И
ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

Рыбчак П.Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Северо-Западный институт управления, г.Санкт-Петербург

В условиях трансформации политических режимов граждане страны должны приобретать новые ценности, приспосабливаться к изменяющимся условиям политической среды, вырабатывать новые формы поведения в зависимости от происходящих перемен. Соответственно изменений требует и отношение граждан к политическому, в том числе и электоральному, процессу.

Западные теории выработали значительный объем исследований, посвященных вопросам осознания гражданами электоральных предпочтений, электорального поведения и степени поддержки выбранной власти в условиях стабильных демократических режимов. Данная проблематика появилась в западных исследованиях еще в XIX-начале XX века (Э. Эннел, О. Фоккарди, А. Зигфрид). В XX веке сложились три основных подхода, определяющие установки и мотивы избирателей в электоральном процессе. В рамках первого социологического подхода электоральное поведение граждан и их отношение к действующей власти объяснялось принадлежностью к конкретной социальной группе (С. Роккан, С.М. Липсет) или характером индустриальной развитости общества (М. Франклин, Р. Инглхарт).

Социально-психологический подход в изучении электоральных установок был заложен Э. Кемпбеллом. В рамках исследований в данной теоретической модели было установлено, что основанием электорального поведения выступает потребность гражданина проявить эмоциональное согласие с деятельностью партии, сформировать партийную идентификацию. В рамках данного течения изучению темы опросов избирателей посвятили свои труды Г.Э. Мерриам, Г.Ф. Госнел, С.Э. Райс. Свой вклад в изучение влияния политической коммуникации на электоральные механизмы внесли Б. Берельсон, П. Лазарсфельд. Социологические исследования в контексте политического и электорального поведения были сферой научного интереса Г.Д. Лассуэла. Среди иных исследователей данной теории следует выделить М. Дженнингс, Д. Батлер, Д.Стокс, С. Элдерсвелд, А. Перчерон, С. Флэнаган, Ж. Блондель.

Третий подход к исследованию электоральных мотивов связан с рационально-инструментальными теориями, согласно которым избирателями при участии в выборах движут прагматичные, рациональные расчеты, основанные на желании получить максимум выгод от своего выбора. Среди представителей данной школы можно выделить фамилии Й. Шумпетера, Э. Даунса, М.Хинича, М.Мангера, М.Льюис-Бека, М.Фиорины, Д. Пауэлла, Дж. Уиттена, Г. Кларка, П. Уитли, У. Рикера, П. Ордешука. Развитие и сочетание данных теорий дает значительный теоретико-методологический фундамент для исследования электорального поведения в демократической политической системе.

Использование данных теорий в исследовании российских электоральных процессов, безусловно, также возможно. Так, российский политолог Голосов Г.В. при анализе итогов результатов выборов в середине 90-ых годов XX века в регионах сделал вывод, что все указанные теории электорального поведения получают свое развитие и в российских условиях: более результативным является социально-психологический подход, за ним следуют рационально-инструментальные теории, и, наконец – социологические теории. [2, С.44]

Но как показывает практика трансформирующихся обществ такие теории, несмотря на их значительный потенциал для устойчивых демократических режимов, не находят свое полное подтверждение для переходных демократий и трансформирующихся обществ или их применение чревато значительными упрощениями. [8, С.54] За годы посткоммунистических трансформаций политическая наука накопила значительное число теорий, объясняющих изменения в политическом сознании граждан. В большинстве из них «сигналом» и «поводом» для изменения установок в сознании граждан служат отдельные политические решения или ситуации, приводящие к кардинальному или значительному изменению политического курса, перемене институционального или партийного дизайна.

Вопрос о начале трансформации политической системы в России остается открытым: одни исследователи начинают характеризовать трансформационные процессы с 1991 года, времени распада СССР, другие – с последних лет перестройки, иные – с 1985 года. [9, С.136] Но практически однозначным для исследователей выступает тот факт, что начало изменений связано с переходом от авторитаризма к демократии, что было характерно не только для России, но и для иных стран постсоветского пространства, государств Восточной Европы и др. В исследованиях по данной теме (транзитологии) внимание фокусировалось на условиях и предпосылках, которые способствовали такому переходу, на его путях и стадиях, движущих силах и разных моделях перехода и дальнейшего демократического развития (А. Пшеворский, Х. Линц, Ф. Шмиттер, С. Хантингтон). Эти идеи выступали в качестве теоретического обоснования и прикладных рецептов осуществления демократических реформ. При этом основанием мировоззрения транзитологов было движение от негативного политического состояния (авторитаризма, тоталитаризма, «несвободы») к положительному состоянию (демократии, «свободе»). Эти идеи давали надежду на то, что «отказавшись от социалистической идеи всеобщего благоденствия, появится шанс приобщиться к ее капиталистической версии при условии следования неолиберальным рецептам». [1, С.30]

Но практика политической жизни трансформирующихся сообществ оказалась значительно сложнее предложенных идеологических конструкций, поскольку в трансформирующихся сообществах были созданы разнообразные гибридные демократические режимы («фасадные демократии», «управляемые демократии», «квази-демократии» и др.), которые имели специфические особенности развития. Вместо движения к демократии в трансформирующихся обществах наблюдается обратная тенденция движения, наоборот, к авторитарным режимам, которые в ряде случаев имеют достаточно устойчивый характер. В таких обществах, по оценке профессора В.А. Ачкасова, наблюдается «отсутствие социального консенсуса по поводу демократии и ее базовых ценностей, слабость институтов гражданского общества, неэффективность рыночной экономики, фиктивно-правовой системы и ее институтов». [1, С.33] Политическая практика нашла свое отражение в многочисленных работах, критикующих транзитологию как модель, стремящуюся выстроить универсальные демократические режимы в изменяющихся сообществах (Т. Кэросэрс [3], С. Коэн [4], А.С. Панарин [5, 6]). Можно выделить следующие причины критики, объясняющей неэффективность идей всеобщности и универсальности демократических идей для любого общества:

- теория транзитологии выступала некоторым «интеллектуальным прикрытием» для внешней политики США, которая не имела ничего общего с реальной практикой эффективной политической власти;
- демократические институты в западных обществах, которые так целенаправленно внедрялись в переходные общества, сами претерпевают изменения, связанные с усилением исполнительной власти;
- предлагаемые идеи демократии и рыночной экономики приводят к формированию общества потребления, эффективное управление которым в условиях демократии малоцелесообразно;
- политические лидеры современности получают больше свободы в результате снижения массовости и политического участия граждан в политике;
- появление новых моделей политического развития (например, китайской).

В итоге, было признано, что построение единой демократической модели развития невозможно. Но в то же время открытым остается вопрос о том, в какую сторону движутся трансформирующиеся общества и к каким идеалам политического режима и состояния они стремятся.

Сочетание идей авторитаризма и демократизма, наблюдаемые в современном мире, накладывает свой отпечаток на электоральные процессы, которые происходят в странах с трансформирующей политической системой. В связи с этим разработанные в западной науке теории электорального поведения, мотивов и ценностей были дополнены с учетом концепций, разработанных для условий перехода от недемократического состояния к некоторому новому политическому состоянию.

К теориям социального подхода следует отнести исследование Ш. Ривера [8, С.54], высказавшего предположение о том, что социальные, в то числе электоральные, расколы таких обществ обладают потенциалом конфликтов социального характера, которые существовали еще установления авторитаризма.

В рамках социально-психологической теории заслуживает внимания теория польского социолога П. Штомпки [10], основанная на его концепции «культурной травмы» на примере стран Восточной Европы, в особенности Польши. Исследователь выделил несколько стадий травматического состояния трансформирующегося общества, каждая из которых формирует определенный тип сознания, мотивов и электорального поведения. «Культурная травма», произошедшая с обществом, существенным образом влияет на психологическое состояние социума и его отношение к власти, электоральное поведение, но, как показал, П. Штомпка, политические изменения в обществе не являются статичным проявлением.

Рационально-инструментальные теории в исследовании политического сознания в посткоммунистических трансформирующихся обществах нашли свое выражение в идеях зависимости между успехами в выборах правящих сил и условиями макроэкономики. Здесь имеет большое значение и свойственная многим авторитарным режимам центральная роль государства в экономике. Ее итогом становится формирование у населения установок патерналистского типа, высоких ожиданий от социально-экономической политики государства. Приспосабливая модель экономического голосования к особенностям посткоммунистических стран, Г. Китчетл [8, С.56] сделал предположение о том, что электорат новых демократий голосует с расчетом на конвертацию личных возможностей в будущем, при этом данное голосование имеет эгоцентричный характер.

Таким образом, в теории политического анализа сложились различные теории, которые дают возможность охарактеризовать электоральное поведение в новых демократиях с учетом их трансформирующегося состояния.

Список литературы

1. Ачкасов В.А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // Полис. – 2015. – №1. – С.30-37.
2. Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов// Полис. – 1997. – №5. – С.44-56.
3. Карозерс Т. Трезвый взгляд на демократию // Pro et Contra. 2005. – Т.9. – №1. – С.73-81.
4. Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. – М.: АИРО-XX, 2001. – 304с.
5. Панарин А. Искушение глобализмом. – М.: Эксмо, 2002. – 416с.
6. Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002. – 496с.
7. Панарин А. Россия в циклах мировой истории. – М.: МГУ, 1999. – 369с.
8. Шевченко Ю.Д. Поведение избирателей в России: основные подходы // Выборы в посткоммунистических сообществах. Проблемно-тематический сборник. – М., 2000. – С.45-56.
9. Шестопал Е.Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии // Полис. – 2015. – №1. – С.136-150.
10. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. – 2001. – №2. – С.8-9.

СЕКЦИЯ №10.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03)

СЕКЦИЯ №11.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)

СОТРУДНИЧЕСТВО СО СТРАНАМИ СНГ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зиникова Э.Р., Казакова М.Н.

Мордовский государственный университет, г.Саранск

С момента формирования в России теории и практики национальной безопасности ее основной приоритет заключался в сохранении территориальной целостности государства. В современных условиях национальные интересы и приоритеты не ограничиваются национальной территорией, а простираются далеко за её пределы. В этой связи на первый план выходят внешнеполитические (региональные) ориентиры национальной стратегии.

Концептуальные основы внешнеполитических ориентиров России зафиксированы в официальных документах, в первую очередь, Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности, Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию и др.

Концепция внешней политики России, утвержденная Указом Президента РФ 12 февраля 2013 года, включает в себя приоритетные направления внешней политики, основные ее цели и задачи. Согласно концепции,

приоритетными направлениями российской внешней политики являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами - участниками СНГ, дальнейшее укрепление СНГ – основы углубления регионального взаимодействия его участников, имеющих не только общее историческое наследие, но и обширный потенциал интеграции в различных сферах [6].

Сотрудничество со странами постсоветского пространства на всем протяжении новейшей истории России всегда занимало особое место в числе приоритетных внешнеполитических интересов. Так, еще в Концепции внешней политики 1997 г. ведущим направлением провозглашались отношения со странами СНГ. В последующих редакциях Концепции в 2000, 2008, 2013 гг. данное направление также оставалось приоритетным.

Вопрос развития сотрудничества со странами СНГ в постсоветский период имел в обществе различные точки зрения. Одним была близка идея, предусматривающая единение славянских республик и Казахстана, другие склонны были акцентировать внимание, прежде всего на укреплении российской государственной границы. Иными словами, вопрос состоял в том, охранять границы СНГ или же сконцентрировать внимание на укреплении российских рубежей [4, с. 31]. Политическое руководство страны было настроено преимущественно на развитие интеграции в рамках СНГ: «приоритет во внешней политике Российской Федерация отдает обеспечению важнейших национальных интересов, развитию отношений России с ведущими государствами мира, всестороннему сотрудничеству и интеграции в рамках СНГ, налаживанию эффективного двустороннего и многостороннего сотрудничества в рамках Союза Беларуси и России, а так же с участниками договора Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Киргизской республики об углублении интеграции в экономической гуманитарной областях [5].

Особое значение имело подписание 15 апреля 1994 г. Соглашения о создании зоны свободной торговли. С первых лет функционирования СНГ в странах осуществлялся беспопытный режим в торговле, но на двусторонней основе. На многосторонней основе зона свободной торговли практически создана в 2003 г., о чем было заявлено в Решении Совета глав государств от 19.09.2003 г. «О завершении формирования зоны свободной торговли и развитии взаимодействия государств-участников СНГ в экономической сфере». В 2003 г. на Ялтинском саммите СНГ подписано Соглашение о Едином экономическом пространстве в целях консолидации взаимных экономических связей и сокращения их издержек в рамках свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и лиц [8].

Важным шагом на пути укрепления сотрудничества стало подписание Договора о коллективной безопасности 15 мая 1992 года, сроком на 5 лет и дальнейшим продлением, в Ташкенте. Изначально договор подписали лидеры шести стран: Армения, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Уже в 1993 году к списку добавились: Беларусь, Азербайджан и Грузия [7].

Договор предусматривал, что государства-участники должны обеспечивать свою безопасность на коллективной основе. В случае возникновения угрозы безопасности, суверенитету или территориальной целостности страны-участники проводят консультации с целью определения своих позиций и принятия мер для устранения угрозы. В случае совершения акта агрессии против любого государства-участника все остальные должны предоставить ему требуемую помощь.

Изначально соглашение содействовало созданию национальных Вооруженных сил стран-участников, обеспечению стабильных и адекватных внешних условий для строительства их новой независимой государственности.

В 2002 г. на базе ДКБ была создана Организация Договора о коллективной безопасности, которая провозгласила основной защитой территориально-экономического пространства стран участниц договора совместными усилиями армий и вспомогательных подразделений от любых внешних военно-политических агрессоров, международных террористов, а также от природных катастроф крупного масштаба. На сегодняшний день ОДКБ представляет собой международную региональную организацию, которая занимается широким спектром проблем в области безопасности. В поле зрения ОДКБ, помимо военных угроз, находятся вопросы противодействия международному терроризму, наркобизнесу, нелегальной миграции, транснациональной организованной преступности, коллективное реагирование на чрезвычайные ситуации, гуманитарные катастрофы, широкий спектр угроз в информационной сфере и борьба с киберпреступностью.

В современных условиях в рамках ОДКБ реализуются программа стандартизации вооружений в рамках ОДКБ с целью достижения оперативной совместимости средств связи и управления, стратегия импортозамещения, ставшая приоритетной в свете антироссийских санкций и событий на Украине, антинаркотическая стратегия, мероприятия по борьбе с экстремизмом, незаконной миграцией, трансграничными организованными преступными группировками. Россия по-прежнему является главным звеном ОДКБ.

В стратегии экономического сотрудничества со странами СНГ важным моментом стало создание Евразийского экономического союза в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения

конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня государств-членов (Армения, Беларусь, Казахстан, Россия, с 29 мая 2015 г. – Кыргызстан). Подписание Договора о создании ЕАЭС обозначило переход евразийского экономического проекта на новый, более глубокий уровень интеграции [2].

В договоре отражены базовые аспекты, присущие международным организациям, зафиксированы принципы суверенного равенства государств, территориальной целостности. В документе заложен механизм консенсуса при принятии решений на всех уровнях. Предусмотрен принцип равной представленности сторон в рамках кадровой политики в органах союза.

Отмечается, что Договор о Евразийском экономическом союзе направлен на решение задач по повышению благосостояния и качества жизни граждан Казахстана, России, Беларуси, Армении, Кыргызстана и предусматривает свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной экономической политики.

В основу документа положена договорно-правовая база Таможенного союза и Единого экономического пространства, действующие нормы которых были оптимизированы и приведены в соответствие с правилами Всемирной торговой организации [2].

Традиционно тесное партнерство на постсоветском пространстве развивается у Российской Федерации с Республикой Беларусь. Их отношения закрепляются договором о Союзном государстве России и Белоруссии. В полномочия Союзного государства входят внешняя политика, оборона и безопасность, бюджетная, денежно-кредитная и налоговая системы, таможенные вопросы, системы энергетики, транспорта и связи. Каждое государство сохраняет суверенитет, независимость, территориальную целостность, государственное устройство, Конституцию, государственный флаг, герб. Кроме того, важнейшими направлениями внешнеполитической деятельности являются обеспечение признания Союзного государства всем мировым сообществом, активное участие в деятельности и мероприятиях международных организаций, развитие всесторонних связей с бывшими республиками СССР в рамках СНГ, участие в обеспечении стабильности и безопасности на евразийском континенте и в мире [4, с. 33].

Россия и Белоруссия выступают с единых или близких позиций по основным международным проблемам, тесно сотрудничают в ООН, других универсальных и региональных организациях.

Сегодня в отношениях между Россией и Беларусью действует единое миграционное пространство, обеспечивается возможность для взаимных поездок по внутренним национальным документам без прохождения таможенного и пограничного контроля. Ведется работа по гармонизации законодательства в экономической сфере, в области налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики, валютного регулирования.

Большую роль в российско-белорусских отношениях играет активно развивающееся межрегиональное сотрудничество. Все 6 белорусских областей и Минск связаны соглашениями о сотрудничестве с большинством субъектов Российской Федерации, среди которых наибольшую активность проявляют Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Тюменская, Смоленская, Нижегородская области, Татарстан.

Таким образом, можно утверждать, что в евразийском геополитическом пространстве Российская Федерация занимает особое место, являясь главным звеном во всех наиболее крупных региональных интеграционных объединениях. Это обусловлено в первую очередь её экономическим и военным потенциалом, а также выгодным геополитическим положением. Самым значимым интеграционным объединением является ОДКБ и намеченные тенденции в рамках СНГ. Также особую важность приобретают Евразийский экономический союз и Союзное государство Белоруссии и России. Они обладают положительными условиями для достижения в дальнейшем поставленных целей и могут составить достойную конкуренцию другим объединениям.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru>
2. Евразийский экономический союз: офиц. сайт (ЕАЭС) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: www.eaeunion.org
3. Зона свободной торговли в странах СНГ: история создания [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20120730/713035602.html>
4. Казакова М. Н. Региональные приоритеты национальной безопасности России: внешнеполитическое измерение // Регионология. – 2010. – С. 30-36.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 15 июля 2008 г.) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru>

6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12 февраля 2013 г.) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://mid.ru/brp_4.nsf
7. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ): офиц. сайт [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: www.odkb-csto.ru
8. Соглашение о создании зоны свободной торговли [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900221>

**СЕКЦИЯ №12.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)**

**СЕКЦИЯ №13.
КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06)**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)

**СЕКЦИЯ №14.
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)**

**ГЕНЕЗИС ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП В КОНТЕКСТЕ
ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Рыбаков А.В.

Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), г.Москва

1. Проблематика этнонациональных групп занимает центральное место в структуре этносоциологического знания. Их исследование как целостных социальных организмов, с одной стороны, и структурных составляющих общества - с другой, является той проблемой, которая в наибольшей степени соответствует специфике этой научной области. Причем, поскольку этнонациональные группы являются одной из разновидностей общественных макрогрупп, к их анализу должны быть применены те общеметодологические положения, которые используются для анализа всех общественных макрогрупп.

В современной социологической мысли представлено, по крайней мере, две противоположные позиции по таким принципиальным вопросам, как реальность существования общественных макрогрупп и возможности их преобразования в совокупный субъект социальных практик. С точки зрения первой позиции («субстантивистская») общественные макрогруппы рассматриваются как относительно постоянные, исторически сложившиеся сообщества людей. Они формируются на основании определенных объективных обстоятельств, а принадлежность к группе связана с объективным положением людей в системе социальных связей и выполнением определенных социальных ролей. Вторая (конструктивистско-структуралистская) исходит из того, что не существует больших сообществ людей, выступающих субъектами социальных практик и отличающихся между собой своими социальными характеристиками. В действительности существует только пространство социальных различий, на основании которых могут возникать различные группы, выступающие от имени таких искусственных, сконструированных групп, как «интеллигенция», «рабочий класс», «средний класс» и т. п.. К этому списку можно добавить этнонациональные группы

2. В науках этнологического цикла проблема правомерности рассмотрения этнонациональных групп как реально существующих сообществ, вопрос об основаниях их выделения, формах существования принципиально разграничивают сторонников объективистского и субъективистского подходов.

«Объективисты» исходят из того, что выделение этнонациональных групп возможно на основании таких объективных признаков, как территория проживания, язык, общность исторической судьбы, традиционные элементы культуры и тому подобное. Все эти факторы общности и становятся основанием для объединения людей, превращения их в реальную группу с определенными закономерностями социального поведения. Субъективистская методология подразумевает, что этнонациональные группы являются продуктами индивидуального и группового сознания и возникают благодаря самоидентификации людей с тем или иным этносом или нацией, которые являются, прежде всего, «воображаемым сообществом» и сознательно конструируются государством, его институтами, элитой.

По сути, в методологическом плане речь идет о двух исследовательских стратегиях: причисление людей к той или иной группе может происходить либо путем приписывания извне (на основании объективно существующих признаков), либо изнутри, путем самоидентификации индивидов.

3. В современной научной литературе, посвященной проблемам этноса и нации, представлены попытки разработки понятийно-терминологического аппарата, с помощью которого фиксируются различные формы, разные уровни существования этнонациональных групп как общностей. Чаще всего речь идет о том, какие этапы должна пройти этническая группа, чтобы трансформироваться в этнонацию. Д. Гендельман на основании такого критерия, как плотность внутригрупповых связей, разграничивает этнические категории, этнические сети, этнические ассоциации, этнические группы [См.: 1, 147]. П. Брасс выделяет следующие этапы преобразований, которые проходят группы в процессе своего развития: этническая категория; субъективно сознательное сообщество; группа, связанная общими интересами по изменению своего социального статуса; нация, как тип этнической общности, коллективные права которой признаны в рамках данной политической системы [2, 36]. То есть, вместо единого понятия «этническая группа» мы получаем целую шкалу, где переменной является само свойство «быть группой».

4. Поскольку даже сторонники структуралистско-конструктивистской парадигмы не отрицают возможность трансформации номинальных групп (социальных категорий) в реально существующие группы, целесообразным становится поиск интегративного подхода к решению этой проблемы. Теоретически этот процесс можно представить как развивающийся одновременно в трех взаимосвязанных направлениях: 1) формирование группы как социально-психологического сообщества; 2) развитие системы непосредственных и опосредованных связей между индивидами, которые относятся к одной и той же этнической категории; 3) возникновение институтов, выполняющих роль идеолога и организатора группы и представляющих ее на социальной арене. При наличии всех этих условий этническая группа становится способной выступать как совокупный субъект социальных действий, что может существенно повлиять на ход событий в стране.

Теоретическая модель этапов развития этнической группы как социального субъекта, базируется на выделении таких этапов, как:

- 1) номинальная, типологическая общность (низший уровень зрелости группы)
- 2) социально-психологическая общность
- 3) идеологическая общность

4) организационная общность (высший этап развития этногруппы) может быть положена в основу измерения уровня социальной зрелости этнических групп, их возможностей отстаивать свои коллективные права, способности добиться повышения или даже кардинального изменения своего статуса в общественной системе.

5. Социальный статус является наиболее значимой характеристикой положения этнической группы в шкале социального доминирования. Главными критериями статуса этнических групп выступают: положение в политической системе общества; месторасположение в системе социальной стратификации; определенный ранг в системе межэтнических отношений.

5.1. Политический статус этнических групп определяется тем объемом политических и юридических прав, которые предоставлены им законодательством государства. Административно-политическая власть может ставить этносы в неравное по отношению к себе положение: предоставлять привилегии одним этносам и ограничивать права других. В этом случае можно говорить об этнополитической стратификации в чистом виде. Но, даже при декларировании и законодательном обеспечении равных прав всех граждан, независимо от их этнической принадлежности (как это характерно большинства современных демократических государств), сам факт сосуществования в одном государстве этнического большинства и этнических меньшинств не позволяет избежать отношений доминирования и подчинения. Такая ситуация считается неизбежной в полиэтнических по своему составу государствах. Поэтому с точки зрения социологического подхода к анализу политического статуса этнических групп, особое значение приобретают представления людей о справедливости государственной политики в отношении этнического большинства и этнических меньшинств, о равенстве или ограниченности прав и возможностей тех или иных этногрупп.

5.2. Традиционным средством изучения этнической стратификации является совмещение тех главных признаков, которые применяются при анализе социальной структуры в ее вертикально-иерархическом расположении (размер доходов, уровень образования, квалификации, властных полномочий), с признаком этнической принадлежности. Социальный статус этнических групп определяется в этом случае, в зависимости от удельного веса ее представителей на разных ступенях социальной иерархии. Именно этот показатель является интегральной характеристикой социального статуса и главным проявлением неравенства этнических групп. Существенные диспропорции в уровне социального развития различных народов и, соответственно, разное их место в системе социальной иерархии объясняется чаще всего спецификой исторического пути, разной степенью включения в модернизационные процессы, поселенческой структурой, традиционной системой распределения труда между различными этническими группами и тому подобное.

5.3. Специфическим для этнических групп измерением социального статуса является их положение в системе межэтнических отношений. Оно обусловлено, прежде всего, субъективным отношением представителей тех или иных национальностей и формируется благодаря действию социально-психологических механизмов взаимного восприятия людьми друг друга, этнических стереотипов, предубеждений, предрассудков и тому подобное. Именно на этом основании выстраивается иерархия этнических групп общества - от высокого уровня желательности контактов с ее представителями до полного отторжения такой возможности.

6. Общее представление о состоянии и перспективах развития этнических групп предоставляет возможности оценки их жизнеспособности, то есть способности воспроизводить и совершенствовать свою жизнь в определенных условиях, в конкретном историческом и социокультурном пространстве. Жизнеспособность этнических групп, как и других разновидностей социальных общностей, в наибольшей степени зависит от качественных характеристик человеческого потенциала, который включает такие относительно самостоятельные типы потенциала, как социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный. Разработка методики их измерения является весьма актуальным направлением научного поиска. Основой здесь может стать опыт международных организаций, исследующих человеческий потенциал разных стран по программам ООН. Адаптация показателей, используемых при исследовании общества в целом, к анализу этнических групп, выделение среди них тех, которые относятся к предметному полю этносоциологии, позволит решить одну из центральных ее проблем: получить интегральную характеристику этнических групп как целостных социальных организмов и субъектов социальных практик.

Список литературы

1. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность./ Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева.- М.: Academia, 2002. - 480 с.
2. Brass P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. New Delhi and Newbury Park, CA: Sage. 1991.- pp. 358.

СЕКЦИЯ №15.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)

СЕКЦИЯ №16.
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ СЕЛЬСКОЙ ГИГИЕНЫ

Юрова И.Ю., Горбунова Л.А.

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского
Минздрава России, г.Саратов

Экономические, политические и социальные трансформации, происходящие в России в течение последнего десятилетия, оказали деструктивное влияние на фундаментальные основы качества жизни населения и особенно остро эти процессы отразились на жизни сельских жителей. В результате реформирования резко сократилось производство сельскохозяйственной продукции, у большей части сельского населения снизился доход и трудовая занятость в целом, в сельской местности сократилось число образовательных и медицинских учреждений [5, 10].

Сегодня государственное финансирование социальной сферы и здравоохранения реструктурировано за счет перемещения части расходов на оказание медицинской помощи с федерального уровня на региональный. Несмотря на то, что состояние здоровья является важнейшим показателем человеческого капитала, дифференциация социально-экономических условий жизни населения стала причиной снижения уровня здоровья населения. Многие медицинские услуги, основанные на современных технологиях, оказались недоступны определенным слоям населения.

Еще с середины 50-х годов XX века благодаря возрождению идеи человеческого капитала в западной социально-экономической литературе, стало понятно, что здравоохранение наряду с образованием и накоплением производственного опыта является значительной инвестицией в человеческий капитал. Несмотря на стадию системной социальной деградации, которой достигло в 1990-е гг. российское село, сельское хозяйство по-прежнему для многих регионов остается жизнеобеспечивающей отраслью, а Россия – аграрной страной.

Ряд исследований доказал наличие множества проблем современного здравоохранения в России, одной из которых является низкая платежеспособность и социальная незащищенность сельских жителей [4, 5, 11]. Поэтому реализация последовательной социально-ориентированной программы здравоохранения и социального развития села выступает важным показателем и условием эффективного функционирования сельского здравоохранения.

Достаточно сложным для сельских поселений является вопрос о кадровом обеспечении здравоохранения, привлечении молодых специалистов и квалификации медицинских работников; а это связано, в первую очередь, с низким материальным вознаграждением труда медиков или неудовлетворительными социально-бытовыми условиями. Проблема дефицита врачебных кадров в учреждениях здравоохранения в сельской местности в условиях отсутствия распределительной системы выпускников вузов в последние годы стала еще острее. Сельские жители оказались необеспеченны также и скорой медицинской помощью из-за недофинансирования этого вида помощи [9].

Нужно отметить, что профилактика заболеваний среди сельских жителей находится на низком уровне, поскольку большинство из-за специфики труда в сельской местности, удаленности от медучреждений и материального положения просто не могут себе позволить вести здоровый образ жизни; соответственно медосмотры многие проходят лишь после установления факта заболевания. Профилактика заболеваний должна занимать важнейшее место среди всех мероприятий, поскольку условия труда для многих профессий сельского хозяйства считаются вредными (из-за работы с устаревшей техникой, химикатами и проч.) [2, 12].

Таким образом, социально-экономические проблемы обеспечения сельских жителей медицинской помощью, а также специфика трудовой деятельности в аграрном секторе экономики, приводящая к развитию различных профзаболеваний, – являются основанием для реорганизации медицинской помощи, создания условий для ее доступности сельскому населению и возможности получения специализированных видов помощи, реализации мер по увеличению профилактической направленности медицинской деятельности в условиях сельской местности.

Описанная ситуация сложилась в Российской Федерации в результате реформы 1992 года, когда финансирование проблем социального развития села было передано с федерального уровня на местный. Этот

факт привел к прекращению финансирования государственной программы «Возрождение русской деревни» за счет средств федерального бюджета, упразднена Комиссия Правительства России по социальному развитию села, сокращены расходы Министерства сельского хозяйства на социальное обустройство сельских территорий. Однако, несмотря на изменения, которые были внесены в закон «О социальном развитии села» в 1993 году, его положения практически не выполнялись. Региональные органы власти и местного самоуправления, не обладающие достаточными ресурсами, не смогли реализовывать или поддерживать предложенные государством социально-экономические меры поддержки села [3, 5].

В 1995 году был принят Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», определяющий основные задачи и функции местного самоуправления в обеспечении деятельности объектов социальной сферы: образовательных, культурных и медицинских учреждений. Но это не привело к положительным изменениям, и положение сельского населения стремительно ухудшалось.

На современном этапе развития России приняты несколько социально-ориентированных федеральных и региональных программ развития села, в частности: Федеральные целевые программы «Социальное развитие села до 2010 года», «Социальное развитие села до 2013 года», «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года»; Федеральная программа «Земский доктор» (действует с 2011 г.); Стратегия лекарственного обеспечения населения Российской Федерации на период до 2025 года (одна из главных целей – повышение доступности лекарственного обеспечения для жителей сельских поселений); Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года.

То есть необходимые изменения в социальной политике были предприняты только в 2002 году с принятием Постановления Правительства Российской Федерации «О федеральной целевой программе «Социальное развитие села до 2010 г.». На первом этапе данная программа включала в себя совершенствование нормативно-правовой, организационно-управленческой и методической базы – для создания условий и реализации социальных гарантий государства. На втором этапе Федеральная программа предусматривала переход к более высокому качеству жизни и созданию условий для устойчивого развития села.

Среди основных задач ФЦП – «улучшение состояния здоровья сельского населения путем повышения доступности и качества предоставления первичной медико-санитарной помощи, занятий физической культурой и спортом» [8]. В качестве значимого индикатора выступает введение в действие районных и участковых больниц на 12 тыс. коек. Основной результат реализации программы – повышение доступности медико-санитарной помощи для сельских жителей и улучшение их здоровья. Реализация ФЦП предполагала введение принципов и развитие общей врачебной практики, совершенствование материально-технической базы ЛПУ сельских районов и кадрового потенциала, обеспечение скорой медицинской помощью, организацию выездных форм медицинской помощи, с целью организации и развития мероприятий профилактической направленности – разработку программ развития физической культуры на муниципальном и региональном уровнях. В результате заболеваемость сельского населения должна была снизиться на 8-10%, а обеспеченность больничными местами увеличиться.

Согласно Постановлению Правительства РФ 2007 г. «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Социальное развитие села до 2010 года» на развитие здравоохранения в рамках реализации программы выделено 175 млн. руб. на первом этапе (2003-2005 гг.) и 1514 млн. руб. на втором этапе (2006-2010 гг.) [6]. Поскольку программа предусматривает финансирование за счет средств, как федерального бюджета, так и бюджетов субъектов РФ, отдельные мероприятия программы реализовать не удалось, в том числе по развитию учреждений социального обеспечения села из-за дефицита бюджета на местах. Однако по причине недостаточного финансирования программы из местных бюджетов многие сельские поселения рассчитывали на поддержку общественных благотворительных организаций и частного бизнеса.

Кроме того, в сельской местности некоторые медицинские учреждения не во всех случаях обладают лицензиями на определенные услуги здравоохранения, что не позволяет им участвовать в реализации национальных проектов. А по причине отсутствия во многих сельских поселениях медицинских учреждений, возникают проблемы и по проведению профилактических мероприятий. В то время как условия трудовой деятельности на агропромышленных предприятиях предполагают проведение комплексной профилактики профессиональных заболеваний.

Однако в аналитическом докладе представлены сведения, подтверждающие недостаточную реализацию Федеральной целевой программы (до 2010 г.). И значительной проблемой, несмотря на предпринятые меры по обеспечению кадровым составом сельского здравоохранения, по-прежнему сохранился дефицит кадров – в том числе, за счет уменьшения численности среднего медицинского персонала и нежелания молодых специалистов работать на селе по причине социально-бытовой или материальной необеспеченности.

С целью реализации федеральных программ в различных субъектах РФ принимались нормативно-правовые акты по социальному развитию села. По причине значительной социально-экономической дифференциации регионов России и количества нереализованных постановлений Правительством РФ было принято решение о дальнейшем финансировании и реализации ФЦП «Социальное развитие села до 2013 года» [7]. Среди приоритетных целей данной программы – развитие и совершенствование первичной медико-санитарной помощи, формирование центров общей врачебной практики, совершенствование материально-технической и нормативно-правовой базы, развитие выездных форм предоставления медицинской помощи, кадровое обеспечение отделений общей врачебной практики (семейной медицины), проведение профилактических мероприятий посредством разработки программ различного уровня по развитию физической культуры и спорта. Реализацию этих целей предполагалось интегрировать с открытием сети медицинских учреждений в сельской местности, прежде всего, фельдшерско-акушерских пунктов.

В целом указанные цели и задачи были направлены на снижение уровня заболеваемости сельских жителей, что позволило бы существенно снизить потери рабочего времени и расходы на оплату больничных листов Фонда социального страхования РФ. Но переход к принципам общей врачебной практики оказался достаточно сложным процессом из-за правовых, экономических, организационных проблем. Несмотря на признание необходимости развития общей врачебной практики, мнения многих специалистов относительно сбалансированности и эффективности планируемой модели здравоохранения неоднозначны и противоречивы [4]. Выступая в поддержку реформирования системы здравоохранения посредством развития семейной медицины, исследователи и общественные деятели отмечают необходимость реструктуризации и коренных изменений в самой системе предоставления первичной медицинской помощи и в ее управлении [1, 12].

Таким образом, можно заключить, что существовавшая в нашей стране разнонаправленность социальных, экономических, нормативных и научно-методических положений и мероприятий по организации системы сельского здравоохранения, привела к необходимости создания комплексного системного подхода, позволяющего контролировать сбалансированность теоретических разработок и практических действий не только на Федеральном, но и на региональном, муниципальном уровнях. Наличие и дальнейшая разработка нормативно-правовой базы и реализация ее на практике различными субъектами с учетом региональной специфики является основанием потребности формирования самостоятельной службы, которая могла бы осуществлять многочисленные функции, способствующие систематизации медико-санитарной, профилактической, гигиенической, профпатологической помощи сельским жителям.

Список литературы

1. Андриянова Е.А. Риск-рефлексия как фактор профессионализации медицины. Социология медицины. 2005. № 2. С. 25.
2. Андриянова Е.А., Чернышкова Е.В. Психологические факторы адаптации к ситуации профессионального заболевания (на примере работающего сельского населения) // Психология. Экономика. Право. 2014. № 3. С. 30-38.
3. Закон РСФСР «О социальном развитии села» (с изменениями от 28 апреля 1993 г.). М., 1990, 21 декабря.
4. Комаров Ю.М. Первичная медико-санитарная помощь: какой она должна быть? // Здравоохранение. 2008. № 5. С. 19-28.
5. Паршуков Ю.Б. Государственная социальная политика в сельских поселениях современной России: политологический аспект: дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005. 181 с.
6. Постановление Правительства РФ от 17 сентября 2007 г. № 596 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Социальное развитие села до 2010 года»/ ИА «ГАРАНТ» // <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2063081/> (Дата обращения: 20.03.2015 г.).
7. Постановление Правительства РФ от 3 декабря 2002 г. № 858.
8. Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года» (в ред. Постановлений Правительства Российской Федерации от 29.04.2005 № 271, от 03.04.2006 № 190).
9. Хагуров А.А. Человеческий капитал современного российского села // Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН. 2008. С. 195-220.
10. Чернышкова Е.В. Проблематизация активной старости в медико-социальном дискурсе // Саратовский научно-медицинский журнал. 2010. Т.6. № 2. С. 481-483.
11. Чернышкова Е.В., Андриянова Е.А. Активный образ жизни в пожилом возрасте: медико-социальные стратегии, риски, практики. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. 259 с.

12. Юрова И.Ю., Федорова Л.М., Чернышкова Е.В. Влияние ценностных установок жителей сельской местности на формирование самосохранительного поведения. Саратовский научно-медицинский журнал. 2014. Т. 10. № 3. С. 465-468.

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Чернышков Д.В., Андриянов С.В., Ширшова Т.А.

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского
Минздрава России, г.Саратов

Профессиональная социализация представляет собой полидетерминированный процесс. Рядом исследователей подчеркивается наличие нескольких уровней детерминации профессиональной социализации, основными из которых принято считать внешний (ситуационный) и внутренний (диспозиционный). К внешнему уровню детерминации можно отнести такие глобальные факторы, как, например, экономическая ситуация в стране, общий уровень жизни, престижность профессии. Этот уровень детерминации успешно анализируется в рамках социологических и социально-психологических исследований [2, 3, 19].

Показательными в данном ключе являются результаты исследования, посвященного проблемам предпочтений молодежи в выборе будущей профессии, проведенного А.В. Сотниковой в 2011 году. Согласно полученным данным, более 50% процентов опрошенной молодежи при выборе профессии отдает предпочтение высокой заработной плате, нежели стабильной работе по специальности. В другом исследовании того же автора, проведенном в 2005 году, 39,6 % респондентов не связывали выбор профессии с полученной специальностью. Данные результаты были интерпретированы автором как проблема профессиональной реализации молодежи в России [16].

В последнее десятилетие некоторые исследователи констатируют наличие изменений в социальных представлениях о потребности в отечественных высокообразованных кадрах. Так, Е.С. Студеникина доказала увеличение доли населения, считающего, что специалистов с высшим образованием «больше, чем нужно»: 35% утвердительных ответов (2007 г.), 27% утвердительных ответов (2001 г.). Кроме того, автор указывает на тот факт, что изменились суждения о качестве высшего образования, престиж которого снизился [17]. Такая ситуация может быть интерпретирована с позиций мотивационных предпочтений в выборе профессии. Высокая мотивация к труду и ориентация на его производительность способны скорее привести к снижению уровня жизни, а не к повышению. Одновременно реализация моделей самореализации, не связанных с трудом, оказывается гораздо эффективнее для социального продвижения [16].

Внутриличностная (субъектная) детерминация определяется не внешними факторами, а свойствами той личности, которая является центром процесса профессиональной социализации. В современных отечественных исследованиях внутренняя детерминация рассматривается с точки зрения различных подходов, через призму следующих категорий: профессионального самосознания; Я-концепции; социальной активности; социального мышления; ценностного ориентирования в профессии; учебно-профессиональной мотивации; экономического сознания; представлений о будущей профессии [4, 5, 7, 10, 20, 21].

Как уже отмечалось ранее, процесс профессиональной социализации сопровождается профессиональной идентификацией, а, следовательно, развитием самосознания. С.А. Подосинников на основе анализа научной литературы рассматривает модель профессионального самосознания как взаимосвязь компонентов структурных и функциональных. Под структурными понимаются когнитивный, эмоциональный, мотивационный и операциональный компоненты. Структурные компоненты реализуются через функциональные – самопознание, самопонимание, самоактуализацию и самореализацию. Такая трактовка подразумевает, что психологическое содержание процесса развития профессионального самосознания представляет собой специфику внутренних взаимосвязей структурных и функциональных компонентов [14]. Е.А. Подосинникова полагает, что профессиональное самосознание специалиста разворачивается как процесс в период смены ведущей деятельности с учебной на профессиональную. Отмечается, что результатом этого процесса являются изменения в операционной, смысловой, а также мотивационной сферах профессиональной деятельности [15].

Активная личностная позиция студента в процессе профессионализации подчеркивается понятием социальной активности, которая, как показано в работе Т.Г. Емельяновой, существует в виде самостоятельного психологического феномена. В этой же работе социальная активность определяется как специфичное личностное

образование, отличающееся от других характеристик личности. Самостоятельность как психологического феномена социальной активности продемонстрирована на теоретическом уровне и с помощью эмпирического исследования [5]. Исследуется опосредующее в определенной степени профессиональную социализацию социальное мышление, динамика которого, как показано, имеет положительный характер [10].

В исследовании И.Г. Колосовой была определена теоретическая модель формирования процессуальных свойств профессиональной социализации посредством ценностного ориентирования в специальности. Предлагаемая модель развития ценностного базиса профессиональной социализации содержит три основных вида ценностных ориентаций: терминальных, инструментальных и профессиональных. Кроме того, автором доказано, что специфика ценностных ориентаций влияет на степень профессиональной социализации и ее структуру как процесса. Влияние ценностных ориентаций на процесс профессиональной социализации определяется особенностями взаимосвязи профессиональных и общеличных ценностей с этими компонентами [7].

Важнейшей детерминантой профессиональной социализации на протяжении всех курсов обучения является ценность «здоровье». Причём, если остальные жизненные ценности имеют достаточно выраженную динамику в процесс образования, то ценность «здоровье» стабильно значима вне зависимости от курса обучения [1, 8, 11].

И.М. Осипенко анализирует такой динамический аспект профессионализации, как развитие экономического сознания, под которым понимаются отношения, установки, оценки, социальные представления, мнения личности о различных явлениях экономического характера. На основании эмпирических данных утверждается, что самыми динамичными показателями экономического сознания студента (при обучении в вузе) являются субъективный экономический статус, уровень значимости экономических характеристик в межличностных отношениях, экономические потребности, а также притязания личности [13].

Как отмечает К.О. Меджидова, существует определенная взаимосвязь учебно-профессиональной мотивации и личностного развития студентов высших учебных заведений. При этом интересы и ценностные ориентации студентов по степени выраженности учебно-профессиональной мотивацией заметно различаются. Высокий уровень мотивации соответствует высокому уровню выраженности у студентов ценностей развития в учебно-профессиональном плане, в плане духовном, в сфере материального благополучия и сохранения здоровья; одновременно низкий уровень мотивации соответствует высокому уровню проявления ценностей межличностных контактов [12].

Т.А. Цергой указывает на то, что большое значение для показателей стремления к профессиональному росту, удовлетворенности в профессиональном саморазвитии, а также готовности к профессиональному саморазвитию имеет характер выбора специальности (сферы профессиональной деятельности), который может быть свободным или ситуативно заданным. В его исследовании были получены статистически достоверные коэффициенты сопряженности этих показателей [18].

Проведенный анализ литературы показал, что проблема профессиональной социализации современной молодежи в нашей стране представляет интерес, однако, следует констатировать недостаточную изученность базовых детерминант профессиональной социализации с позиций социологических наук. С точки зрения психологического подхода, доказана значимость мотивационной составляющей в процессе профессиональной социализации; ее важность признается сторонниками практически всех подходов. Вне зависимости от того, рассматривается процесс профессиональной социализации с точки зрения ценностных ориентаций, с позиций компетентностного подхода или через модель профессионального самосознания, характер и сила мотивации играют важную роль.

Список литературы

1. Андриянова Е.А. Социальные параметры профессионального пространства медицины: автореф. дис. ... докт. социол. наук. Волгоград 2006. 39 с.
2. Барабанщиков В.А. Принцип системности в современной психологии // Психология. 2004. №3. С. 3-17.
3. Веретельникова Ю.Я., Родионова Т.В., Мухина М.Ю., Чернышков Д.В., Масляков В.В. Ценностное самоопределение студентов медицинского вуза: психолого-педагогические условия // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (7). С. 1532-1536.
4. Веретельникова Ю.Я., Чернышкова Е.В., Беляков А.Е. Личностные детерминанты стратегий преодоления трудных ситуаций у студентов медицинского вуза // Саратовский научно-медицинский журнал. 2013. Т. 9. № 1. С. 132-136.
5. Емельянова Т.Г. Социальная активность в профессиональном самоопределении студентов ССУЗа: дис. ... канд. психол. наук. Ижевск, 2006. 157 с.

6. Ирба О.С. Компетентностный подход как условие профессиональной социализации личности студентов-психологов: дис. ... канд. психол. наук. Воронеж, 2009. 189 с.
7. Колосова И.Г. Влияние ценностных ориентаций на профессиональную социализацию студентов: дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2006.
8. Кром И.Л., Андриянова Е.А., Новичкова И.Ю., Чернышкова Е.В. Пространственное измерение инвалидизации в условиях соматических ограничений // Социология медицины. 2011. № 1. С. 54-59.
9. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. М.: «МОДЭК», 2011. 424 с.
10. Маслюк Н.А. Особенности социального мышления студентов высших и средних специальных учебных заведений: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 191 с.
11. Медведев А.В. Социально-психологические аспекты развития психологического здоровья студентов в процессе профессионализации в вузе: дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2010. 161 с.
12. Меджидова К.О. Взаимосвязь учебно-профессиональной мотивации и личностного развития студентов вуза: дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2007. 203 с.
13. Осипенко И.М. Динамика экономического сознания студентов в процессе профессионализации: дис. ... канд. психол. наук. Смоленск, 2005. 284 с.
14. Подосинников С.А. Психологические факторы становления профессионального самосознания у студентов: дис. ... канд. психол. наук. Астрахань, 2003. 144 с.
15. Подосинникова Е.А. Психологические условия развития конкурентоспособности молодых специалистов в процессе профессиональной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. Астрахань, 2006. 180 с.
16. Сотникова А.В. Профессиональная мотивация студенческой молодежи в современных условиях развития рынка труда в России: дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 171 с.
17. Студеникина Е.С. Профессиональная социализация студентов в вузе: условия и процессы реализации функции: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2007. 139 с.
18. Цергой Т.А. Особенности становления личностных компонентов профессионализма в условиях ситуативной заданности выбора сферы профессиональной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2008. 155 с.
19. Чернышков Д.В., Андриянов С.В. Профессиональная социализация как процесс личностного роста специалиста // Вопросы современной педагогики и психологии: свежий взгляд и новые решения: сб. науч. трудов по итогам международной научно-практической конференции. Вып. 2. Екатеринбург: ИЦРОН, 2015. С. 97-100.
20. Шипов Ю.Е. Развитие Я-концепции студентов вуза в процессе профессионального становления: дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2006. 225 с.
21. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Структура, генезис и условия становления: дис. ... докт. психол. наук. М., 2001. 327 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ КАК ФАКТОР АКТИВИЗАЦИИ РЕСУРСОВ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Арстангалиева З.Ж.

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского Минздрава России, г.Саратов

Постепенное и неуклонное увеличение количества людей пожилого и старческого возраста в нашей стране актуализирует необходимость рассмотрения вопросов, связанных с социальным окружением представителей старшей возрастной группы. Как указывает ряд исследователей, все чаще с окончанием наиболее продуктивного периода жизни, пожилые люди уходят на пенсию, что приводит к изменению возможностей реализации их личностных ресурсов [1, 2, 13].

Наступление пенсионного возраста для многих пожилых людей означает прекращение трудовой деятельности. В это период значительно снижаются социальные интеракции. Зачастую основным социальным окружением для пенсионеров является семья. По данным исследования, посвященного представлениям пожилых людей об активности в позднем возрасте, проведенного Е.В. Чернышковой, отмечается лидирующая роль семьи в возможности активизации ресурсов социогеронтологической группы [15].

Следует отметить изменения в формах досуга пожилого населения. Как указывает Н.Н. Седова, пожилые люди чаще других практикуют разнообразные традиционные формы досуга, особенно направленные на общение. Так, многие из 61-65-летних людей, продолжающих работать после наступления пенсионного возраста или

совсем недавно прекратившие свою трудовую деятельность, довольно часто проводят досуг активно, акцентируя его на культурную составляющую – посещение театров, музеев, выставок и т.д. При этом, по мнению автора, пренебрежение досугом и связанными с ними объективными потребностями человека, в перспективе может привести к усугублению проблем в сфере рекреации и здоровья россиян, их социализации и адаптации, личностного развития и самореализации [11]. Н.Г. Фирсова обращает внимание на необходимость создания специальных условий, повышающих самооценку пожилых людей, а конкретно, создание досуга, который в свою очередь обеспечивает безболезненное вхождение в новую социальную ситуацию [12].

В данном контексте, для огромного количества пожилых людей семья становится одной из важнейших сфер, в которой осталась возможность реализовать себя. С точки зрения Е.С. Сагалаевой [10], такое представление о семьях пожилых людей является скорее идеальным, чем реальным. Для взрослых детей пожилые люди нередко выступают в роли надоевших, недовольных, обвиняющих родителей с устаревшими взглядами на жизнь, либо людей, полностью идентифицирующих свою жизнь с детьми и внуками, и, следовательно, не живущих своей собственной, самостоятельной жизнью. Подчеркнем, что такое отношение к старшему поколению во многом определено укоренившимися социальными стереотипами ненужности и финансовой зависимости позднего возраста.

Результатом господства негативных стереотипов пожилого возраста является геронтологический абьюзинг в семье. Однако, как показывают исследования и материалы СМИ, чаще всего жертвами геронтологического насилия выступают люди старше 70 лет, в большинстве случаев пожилые женщины. Особенно уязвимыми являются пожилые люди, имеющие ограничения в передвижении, страдающие нарушениями слуха, зрения, речи, интеллекта, для которых «травмирующая» семья, представляет собой единственным каналом связи с обществом. Субъектами геронтологического насилия являются дети, внуки, родственники или свойственники. В ряде случаев обидчиком становится человек, осуществляющий уход за престарелым человеком [9, 10].

Некоторые отечественные исследователи сходятся во мнении, что после достижения возраста выхода на пенсию происходит постепенное, но неуклонное снижение социального статуса пожилых людей. То есть, очевиден процесс своеобразного отстранения пожилого человека от круга семейного общения, начинается процесс сокращения социальных интеракций, связанный с ухудшением состояния здоровья, мешающим свободе передвижения, приводящий пожилого человека к состоянию одиночества [6, 7, 14].

Но необходимо подчеркнуть, что особенность современной группы одиноких пожилых людей заключается в том, что их возраст социальной и трудовой активности пришелся на советское и постсоветское время. Структура ценностных ориентаций, жизненных установок и потребностей формировались у нынешних пожилых людей в условиях, принципиально отличных от современных, осваиваемых и реализуемых новыми поколениями россиян. Трансформационным переходом конца 1980-1990-х годов определено формирование новых жизненных моделей, освоение которых для нынешних пожилых людей стало проблемным. Произошло разрушение системы устоявшихся социально-психологических установок и общественных отношений, определяющих координаты человека в обществе. По мнению И.С. Кона, в первую очередь одиночество – это не только физическое отношение человека с другими людьми, но и его психологическое состояние [5].

Действительно, одной из главных проблем пожилого человека становится «драма одиночества и невостребованности» – речь идет не столько о материальных трудностях (хотя они играют существенную роль), сколько о трудностях психологического характера. Австрийский психолог В. Франкл видел причину одиночества в утрате ценностей и смысла жизни. У человека нет ни родственников, сверстников, друзей. Это является для него самым сильным стрессом в его жизни. Неудовлетворительное состояние здоровья, сужение круга общения и сфер деятельности – все это ведет к обеднению жизни, к уходу из нее положительных эмоций, к чувству одиночества и ненужности. С возрастом переживание одиночества углубляется. Наибольшую степень одиночества, по мнению ряда авторов, испытывают пожилые люди в возрасте 76-85 лет, в какой-то степени испытывают одиночество в 66-75 лет и в меньшей степени в 55-65 лет. В позднем возрасте происходит переоценка ценностей, основной и всепоглощающей идеей у многих пожилых людей становится забота о личном здоровье, а смыслом жизни – сохранение самой жизни [4, 16].

Существуют различные механизмы преодоления одиночества. Они, по степени их использования пожилыми людьми, распределяются следующим образом: просмотр телевизионных передач, затем идут прогулки, чтение книг, журналов, поиск собеседника, хобби. Любимыми темами для разговора становятся лекарства, способы лечения, травы. По данным различных исследований в качестве главного источника медицинской информации пожилые называют медицинских работников. Для большинства одиноких пожилых наиболее значимым в жизни человеком становится участковый врач, его профессиональные и личностные качества. На втором месте – обращение к знакомым и родственникам [3, 8].

Таким образом, анализ отечественных исследований, посвященных вопросам позднего возраста, позволяет сделать вывод о том, что прекращение трудовой деятельности с наступлением пенсионного возраста ставит многих пожилых людей перед проблемой резкого сужения социальных интеракций, изменения социального окружения, зачастую приводящих к одиночеству. Этому во многом способствуют существующие негативные социальные стереотипы пожилого возраста, определяющие данный период жизни человека как период дожития, в значительной степени снижая возможность активизации ресурсов пожилого населения.

Список литературы

1. Абашина А.Д., Зилинских И.А., Юрченко К.Н. Пожилой человек как объект исследований в социологии и социальной работе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2014. № 6. С. 208.
2. Альперович В.Д. Старость. Социально-философский анализ. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 1998. 104 с.
3. Андриянова Е.А. Социальные параметры профессионального пространства медицины: автореф. дис. ... докт. социол. наук. Волгоград 2006. 39 с.
4. Василевич А.С. Подготовка специалиста по работе с пенсионерами: дисс. ... канд. пед. наук. Москва, 2005. 219 с.
5. Кон И.С. Открытие и «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.
6. Кром И.Л., Андриянова Е.А., Новичкова И.Ю., Чернышкова Е.В. Пространственное измерение инвалидизации в условиях соматических ограничений // Социология медицины. 2011. № 1. С. 54-59.
7. Кувшинова О.А. Проблемы социального конструкта пожилого возраста // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. №1. С. 24-30.
8. Прохорова М.В. Феномен одиночества пожилых людей: социологический анализ: дисс. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2007.
9. Пучков П.В. Геронтологическое насилие в условиях демографического кризиса (социологический анализ): автореф. дис. ... докт. социол. наук. Саратов, 2009. 32 с.
10. Сагалаева Е.С. Ущемление прав пожилых людей в семье // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4. С. 231-233.
11. Седова Н.Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования. 2009. №12. С. 64.
12. Фирсова Н.Г. Организация досуга как одна из форм повышения самооценки пожилых людей после выхода на пенсию // Концепт. 2013. №1 (17). С.34-38.
13. Чернышкова Е.В. Медико-социальные механизмы пролонгирования активного образа жизни в пожилом возрасте: автореф. дис. ... докт. социол. наук. Волгоград 2013; 45 с.
14. Чернышкова Е.В. Медико-социальные риски пролонгирования активного образа жизни пожилых людей // Фундаментальные исследования. 2012. № 3-2. С. 358-361.
15. Чернышкова Е.В. Проблематизация активной старости в медико-социальном дискурсе // Саратовский научно-медицинский журнал. 2010. Т.6. № 2. С. 481-483.
16. Чернышкова Е.В., Андриянова Е.А. Активный образ жизни в пожилом возрасте: медико-социальные стратегии, риски, практики. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. 259 с.

СЕКЦИЯ №17.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05)

СЕКЦИЯ №18.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06)

СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ PR-ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Захарова А.О., Кудеников Н.С., Солдатинова Е.М.

ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», г.Москва

Общественное мнение, как социальный институт тесно взаимодействует с деятельностью PR-служб.

У терминов "Общественное мнение" и "Связи с общественностью" существует множество определений, ведь каждый исследователь смотрит на эти составляющие социального пространства по-разному.

На наш взгляд, если проводить параллель между этими двумя явлениями, то стоит найти такое определение, которое бы отражало суть общественного мнения и связей с общественностью одновременно.

Такое определение приводил Комаровский Владимир Савельевич в своей работе "Государственная служба и СМИ". По его мнению: "Связи с общественностью - это деятельность, которая проводится в рамках формирования общественного мнения и является, иными словами, одним из способов достижения главной цели кампании, а именно привлечение на свою сторону, как можно большего количества участвующих". (3)

Субъектами политических PR-технологий, по его мнению, могут выступать любые субъекты политики, в том числе властные структуры, политические партии, лидеры, политические деятели и так далее.

Можно сделать вывод, что цель применения PR-технологий состоит в том, чтобы грамотно использовать инструменты, средства воздействия на общественное мнение с целью его преобразования в нужном для властной структуры направлении и успешно организовать на практике мероприятия по реализации этой цели.

Казалось, что может быть проще данного определения, но оно все равно не отвечает полностью на вопрос: "Какое же место занимает общественное мнение в отрасли связей с общественностью?".

Нам очень трудно сформулировать словами образ группы, которая является носителем общественного мнения, возникает ряд разногласий с применением данного термина, потому что в разных странах формирование и развитие этого социологического феномена приобрело различный уровень.

При грамотном и рациональном применении PR-механизмов властные структуры получают возможность контролировать поведение и деятельность заинтересованной группы и с помощью таких групп и всего общества в целом.

Сложность применения PR-технологий заключается в сущности самого феномена общественного мнения, ведь заложенные в общественном мнении механизмы не могут реализовываться автоматически и самостоятельно. Реализация данных механизмов зависит от уровня развития и "зрелости" общественного мнения и статуса, занимаемого в обществе, и, конечно же, от уровня влияния общественного мнения на деятельность властных структур и принятие этих взглядов данными структурами на практике.

Общественное мнение это не просто набор высказываний и мнений в обществе, а результат коллективного обсуждения, возникающий в результате социальной коммуникации, то есть публичной дискуссии.

Если в обществе не существует определенных условий для формирования общественного мнения, в том числе отсутствие информации в свободном доступе, развивающегося интереса у общественной массы к данной информации, то данное явление не сможет получить развитие и скорее всего будет отсутствовать.

Как писал Грушин Борис Андреевич в своих работах: "Общественное мнение в нашей стране существует далеко не по каждому вопросу..", то есть не все стороны жизни современной России затрагивают интересы общественных групп, и многие вопросы остаются решенными без учета мнения общественности. (3)

Эта проблема очень актуальна в нынешнее время в Российской Федерации. Конечно же, существуют определенные причины, по которым общественное мнение не получает такого огромного развития, как, например, в странах Европы.

Мы выделили основные причины, по которым затрудняется процесс формирования общественного мнения россиян:

- Недостаточность понимания отдельными слоями населения нынешней ситуации, требующей разрешения, как следствие возможная потеря базового ориентира в жизни;
- Нестабильность реакций и оценок;
- Возникновение слишком большого количества политических движений, которые трудно отнести к категориям привычных классификаций;

- Утрата доверия не только к действующей власти, но и к институтам власти;
- Внутренняя противоречивость взглядов, связанная с ориентацией на новые ценности, при том, что старые ценности не утратили свою силу;

Данные причины по своей природе являются социальными предпосылками, которые могут так затруднять, так и улучшать процесс построения общественного мнения. Так же существуют естественные предпосылки формирования общественного мнения, они отличаются наличием определенных этапов и стадий, когда происходит уяснение и принятие информации по какому-либо вопросу или проблеме, начиная с возникновения первого суждения по вопросу или проблеме в группе.

Специалисты по связям с общественностью должны постоянно заботиться о создании зрелого, кристаллизованного общественного мнения, следить за зарождающимися формами, поэтому зачастую, помимо термина "общественное мнение" так же используют "общественное настроение".

Общественное настроение всегда можно изменить в благоприятную для проводимой кампании сторону, такие методы мы рассмотрим ниже.

Очень важно отметить, что статус общественного мнения напрямую зависит от уровня его зрелости.

Изучение общественного мнения очень важно для проведения той или иной PR-кампании, ведь оно формирует диапазон и содержание деятельности специалистов связей с общественностью в данном направлении.

Анализ состояния общественного мнения всегда начинается с определения заинтересованных групп, затем идет определение их приоритетности, то есть определяется, какие из групп в силу своей численности и влияния могут оказывать наибольшее влияние или воздействие на деятельность фирмы или организации, властной структуры и решения задач политического лидера.

Жан Пьер Бодуан своих работах сводит задачи связей с общественностью к взаимосвязи двух действий: "Сообщать - приобщать". Жан Пьер особо подчеркивает, что следует использовать именно пару терминов, а не каждый по отдельности, так как приобщение без сообщения - это пропаганда, а сообщение без приобщения - это информирование. (1)

Именно от понимания основной цели и задачи, которая ставится перед специалистами по связям с общественностью выбирается набор средств и методов, использующихся для воздействия и формирования общественного мнения.

В нынешнее время методы использования PR-технологий позволяют проводить работу учета и анализу формирования общественного мнения. Это предполагает более активную роль PR-служб. Основная задача тут состоит в том, чтобы сблизить позицию общественного мнения по проблеме или вопросу и позицию организации или определенной властной структуры.

Список литературы

1. Бодуан Ж.-П. "Управление имиджем компании. Паблик рилейшнз: предмет и мастерство", издательство "Инфра-М", 2002, 233 стр.
2. Грушин Б.А.. Четыре жизни в России в зеркале опросов общественного мнения. Книга 1. М., 2001
3. Комаровский В.С. Государственная Служба и СМИ. - Воронеж. Издательство ВГУ, 2003.
4. Поканинова Е.Б. Специфика российской модели связей с общественностью в системе государственно-конфессиональных отношений // Социология власти. - 2012. - № 1. - С. 182-186.

УПРАВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫМИ ТРЕНДАМИ В РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Кейзик А.С.

Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского, г.Брянск

В статье рассматриваются гендерные тренды, которые популярны в массовой культуре повседневности. Женские и мужские образы, представляют собой символические репрезентации, которые не только формируют представление аудитории о самих себе, но и выступают ориентиром для построения гендера. Другими словами, гендерные тренды создают набор моделей «правильной»/«неправильной», «успешной»/«неуспешной» (список можно продолжить) мужественности и женственности.

В конце XX – начале XXI веков произошли весьма заметные изменения в символической репрезентации женщин и мужчин в российском обществе. Главными средствами воздействия на гендерные тренды оказывают

современные массмедиа: глянец журналы, телевидение и реклама, телевизионные шоу, сериалы, популярная музыка, кинематограф, массовая литература.

В период досоветского и начиная с 1917 до 1990 годов главным средством управления гендером была литература, творчество словесников: «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, в романах И. С. Тургенева и А. Гончарова, в прозе Ф. М. Достоевского в поэзии Н. А. Некрасова и А. А. Блока. Образ русской женщины нашел свое отражение именно в литературе (стойкая, опора мужчине, невеста, мать, самоотверженная).

К сожалению, в настоящее время, литература не столь авторитетна. Она стала явлением масскультуры, ведь для массовой аудитории значимой станет та книга, которую «пиарят» в глянце и обсуждают по телевидению.

Массовая культура становится мейнстримом и ориентиры для строительства гендера формируются именно в ней. Массовая культура обладает громадными ресурсами управления гендером, представлениями женщин и мужчин о том какими следует и не следует быть. Такой примитивизм искажает понятие самого гендера, диспуты о положении женщин и мужчин часто становятся темами ток-шоу, и аудитория подсознательно начинает думать, что «гендерное» это то, что имеет отношение к любви, к взаимоотношению между полами, взгляды женщин и мужчин на жизнь друг друга.

Так как масскульт приобретает международный характер, и телепередачи на российском телевидении создаются по образцам зарубежных сценаристов, репрезентации женщин и мужчин утрачивают свою национальную специфику.

Рассматривая образы женщин и мужчин на экране телевизора стоит упомянуть о двух вещах, первое, каждый культурный образ отражает реальные представления людей о гендере, и второе, существуют так называемые «формат», «законы жанра», которые видоизменяют эти представления. Тот самый «формат» становится призмой, через которую массовая культура преломляет проблемы гендерных трендов.

Таблица 1

Деление жанров по гендерному признаку

	Женщины	Мужчины
Телевидение	Мелодрамы и сериалы	Блокбастеры
Литература	Женские романы	Детективы и боевики
Журналистика	Информационные жанры	Аналитические жанры
Музыка	Поп-музыка	Рок
Компьютерные игры	Аркады	Шутеры, спортивные менеджеры

Таблица 2

Гендерные тренды советских и современных женщин и мужчин

	Характеристика
Советский мужчина	Сын Родины, матери, борец с преступностью.
Современный мужчина	Одиноким боец в окружении бандитов. Образ мужского братства.
Советская женщина	Невеста и мать, хранительница очага.
Современная женщина	Смягчают нравы мужской среды, создавая подобие большой семьи. Слабые существа, нуждающиеся в защите, или взбалмошные создания, которые вмешиваются в мужские дела, создавая дополнительные проблемы. Женское соперничество, в обретении достойного мужчины. Жизнь загоняет женщин в частную сферу.

Таблица 3

Репрезентации женщин и мужчин в профессиональной деятельности

Женщины	Мужчины
Работает в команде	Работает самостоятельно
Предлагают незатребованную поддержку	Не предлагают незатребованную поддержку
Задают вопросы по ходу выполнения рабочего задания	Не задают вопросов
Предлагают высказать свои мнения	Сам берет слово
Признает сложности	Вознаграждает за результаты

Согласно опросу, проводимого Левада центром 23 – 26 января 2015 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 134 населенных пунктах 46 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа

опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%

График 1

Качества, которые мужчины и женщины ценят друг в друге

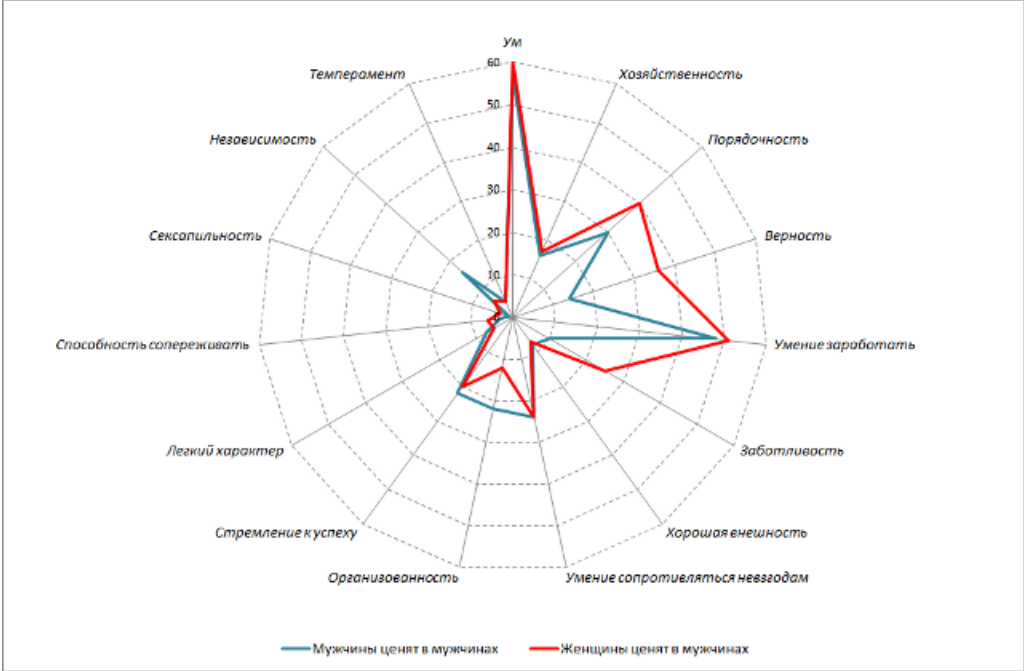
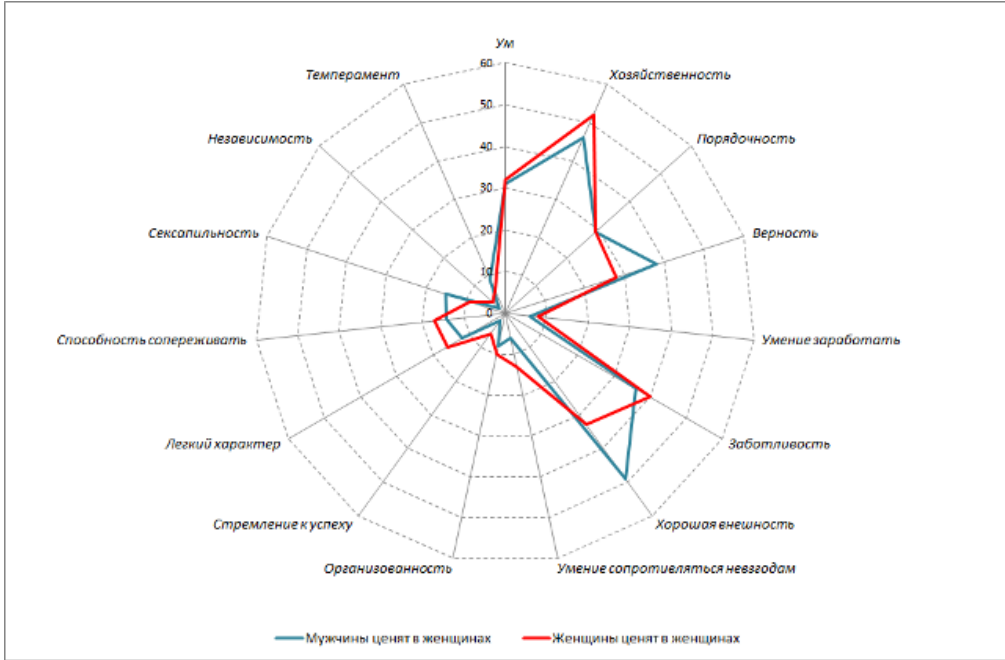

График 2

К сожалению, нынешняя массовая культура лишена индивидуальности. Аудиторию приобщают к стандартам внешности, часто повторяется один и тот же сюжет, например приобщение невзрачной девушки к гламурному образу, которое признается как ступень жизненного успеха.

В российской современной культуре видоизменено понятие традиция, то есть исконность гендерных образов и ролей. В советском обществе гендерным трендом признавался мужчина – сын партии, женщина – мать нового поколения советских граждан, работница. Однако в XXI веке тренды изменились, и все больше аудитория начинает принимать желаемое за действительное. Телепередачи, музыкальная индустрия, массовая литература, шоу-бизнес навязывают аудитории образы современных женщин и мужчин, управляют массовой аудиторией и представлениями общества, оказывают мощнейшее давление и продвигают успешные и достойные подражания.

Список литературы

1. Андреева Н.И. Формирование гендерной культуры: философско-культурологический анализ [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. /Н.И. Андреева. - Ростов н/Д: РГБ, 2006. - 290 с.
2. Клецина И.С. Гендерная социализация: Учебное пособие / И.С Клецина. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. - 92 с.
3. Чеснокова О.И. Феномен пола в современной культуре (философско-культурологический анализ): Монография / О.И. Чеснокова. - Витебск, 2004. - с.174.
4. «Левада-центр» - изучение общественного мнения. – Режим доступа www.levada.ru - дата обращения [25.04.15].

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00)

СЕКЦИЯ №20.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01)

ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ И СОЗНАНИЕ

Иванов Е.М.

Национальный исследовательский Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, г.Саратов

В данной статье мы рассмотрим, как соотносятся сознание, время, пространство и физическая реальность в целом. Начнем с констатации факта, что сознание не удастся каким-то образом «вывести» из физической реальности или объяснить в терминах физики. Сознание обладает такими свойствами, как качественность (квалии), индивидуальность, свобода воли, творчество – которые не имеют аналога в физическом мире. Поэтому сознание не есть ни часть физического мира, ни продукт его деятельности. (См. подробнее [1])

Сознание нельзя «вывести» из материи, но, напротив, материю из сознания можно «вывести» достаточно легко, понимая под материей идею независимости части наших восприятий от нашей воли, а также их регулярную, законосообразную повторяемость. Но на практическом уровне более удобно рассматривать материю и сознание с позиций дуализма – как два несводимых друг к другу аспекта реальности. Главный недостаток дуализма – он предполагает возможность воздействия сознания на материю (как механизм, обеспечивающий волевые действия), а это ведет к физическим аномалиям, нарушает законы сохранения в физике, т.е. нарушает каузальную замкнутость физической реальности.

Решение этой проблемы нам указывает квантовая механика. В отличие от классической теории она дает неоднозначное, вариативное описание реальности. Если согласно уравнению Ньютона электрон движется из точки А в точку В по одной единственной траектории (ее можно вычислить если известна хотя бы одна точка реальной траектории), то согласно уравнению Шрёдингера электрон двигается из А в В как волна, т.е., фактически (как показал Фейнман) по всем возможным траекториям сразу. Однако, если мы попытаемся проследить конкретное его движение из А в В. то обнаружим, что он также как и классический объект двигается лишь по одной траектории. Т.е. присутствие наблюдателя и даже сама возможность наблюдения радикально изменяет характер движения электрона. Чтобы теория соответствовала наблюдениям, мы должны вычеркнуть из суперпозиции, описывающей возможные движения электрона, все те компоненты, которые мы реально не наблюдали. Эта процедура известна как «редукция волной функции», особенность которой в том, что она никаким образом не может быть описана уравнением Шрёдингера – основным динамическим уравнением квантовой теории. Подход Х. Эверетта [4] и ряда других физиков (Ю. Вигнер, М. Б. Менский [3] и др.) к проблеме измерения в квантовой механике сводится к тому, что на самом деле никакой редукции волновой функции не происходит, но, воспринимая одну из возможных траекторий, мы автоматически раз и навсегда лишаем себя (а также и других людей) возможности воспринимать все остальные траектории, которые сами по себе никуда не деваются и продолжают свою шрёдингеровскую эволюцию. Т.е. действие сознания сводится к селекции квантовых альтернатив и случайного выбора одной из них, закрывая при этом возможность восприятия других альтернатив.

Эта модель не обязательно ведет к «расщеплению реальности» при каждом наблюдении. Поскольку уравнение Шрёдингера (и другие динамические уравнения квантовой механики) чисто детерминистично, то все временные состояния квантовой Вселенной можно считать уже заранее заданными. Т.е. если бы мы вычислили волновую функцию для Вселенной в целом во все моменты времени, то мы получили бы стационарную структуру, которую можно назвать «квантовый кристалл» [2]. В «квантовом кристалле» уже заранее имеются все возможные варианты квантовых альтернатив, так что наше наблюдение ничего расщепить не может - «все уже расщеплено до нас», все варианты возможных событий в этой квантовой Вселенной уже изначально имеются в наличии. Не расщепляется и сам субъект-наблюдатель, при условии, что он не привязан жестко к функции мозга (т.е. при условии дуалистического решения психофизической проблемы) и может также выбирать лишь одну из компонент квантовой суперпозиции мозговых состояний. (Поэтому каждый из нас не имеет множества «психических двойников» в параллельных Вселенных, но имеет множество физических, неодушевленных «зомби-двойников»).

Ясно, что в «квантовом кристалле» никакого времени в нашем понимании нет. Там ничего не изменяется, всё уже произошло. Однако события (элементы) внутри «квантового кристалла», если мы вспомним СТО, упорядочены с помощью «пространственно-временных интервалов», которые представляют собой квадратичные формы, вычисляемые на основе разницы временных и пространственных координат событий в произвольной системе отсчета. Их особенность – независимость от выбора системы отсчета, т.е. это инвариантные, собственные характеристики «Квантового кристалла». Следовательно, в «квантовом кристалле» (объективной реальности) нет ни пространства, ни времени как таковых, а есть лишь как бы «пространственно-временной код», которые будучи «декодирован» в индивидуальном сознании, дает нам чувственные переживания пространственной и временной протяженности.

Каждое сознание в этой модели можно изобразить в виде светящейся точки, путешествующей в «квантовом лабиринте». У сознания две основные функции: воспринимать (с помощью этой функции оно осуществляет селекцию квантовых альтернатив – селекция альтернативы тождественна ее чувственному восприятию), и мыслить – эта функция не ограничена воспринимаемым и восприятием вообще, она поистине не локальна и в ней может быть потенциально задействован весь «квантовый кристалл», и также она может выходить за рамки «квантового кристалла». (Мыслить можно и то, что не воспринимается и даже то, что физически не возможно). Мышление управляет волей, т.е. способностью для некоторых ограниченных элементов Вселенной (людей, животных, растений) выбирать (посредством восприятия) квантовые альтернативы некоторых своих действий не случайно (как это происходит в случае восприятия внешних квантовых объектов, находящихся в состоянии суперпозиции), а целесообразно, в той или иной степени разумно. Это и позволяет нам, в частности, управлять частями нашего тела (руками, ногами и т.п.), несмотря на то, что сознание способно только воспринимать физический мир и никаким образом на физическую реальность не воздействует. Оно просто выбирает (посредством восприятия) тот член суперпозиции, который наиболее соответствует пониманию текущей ситуации. Например, когда я набираю текст на компьютере, сознание выбирает ту компоненту суперпозиции, в которой находится мое тело как квантовая система, где я уже заранее «изображен» набирающим этот текст. При этом не нарушаются законы сохранения энергии и импульса - поскольку реализовался хотя и очень редкий, но физически разрешенный случай. Нарушается лишь второй закон термодинамики – поскольку систематическая реализация редких случаев ведет к уменьшению энтропии. Но этот закон, видимо, и не является чисто физическим, т.к. не выводится из чистой динамики и, следовательно, скорее всего, порождается способностью сознания осуществлять «перемешивание состояний» за счет случайного выбора члена суперпозиции.

Способность сознания к выбору альтернатив, однако, должна быть ограничена собственной памятью нашего сознания. Оно запоминает предыдущие выборы и эта встроенная в сознание (а не в мозг) память прошлого накладывает жесткие ограничения на последующие выборы - они должны быть причинно согласованы с предыдущими выборами. Это относится и к восприятию внешнего мира, и к восприятию собственных действий. Например, если я воспринимаю свою левую руку поднятой, то следующий мой выбор будет учитывать этот факт, а не вступать с ним в противоречие. В частности, я не смогу воспринять ту компоненту квантовой суперпозиции, в которой «изображены» следствия альтернативного выбора – например, следствия того, что я поднял не левую, а правую руку. В отношении восприятия внешнего мира это и приводит к иллюзии «редукции волновой функции» - те члены квантовой суперпозиции, которые не были ранее восприняты, не могут породить какие-либо позже воспринимаемые следствия и, значит, их можно далее не учитывать. Сознание, таким образом, никак не воздействуя на физическую реальность, а воздействуя лишь само на себя (через память), порождает не только иллюзию однозначно заданного «классического» мира (существующего лишь в нашем восприятии), но и иллюзию психофизического взаимодействия (которое также существует лишь в нашем восприятии).

Мы существуем в едином, общем для всех субъектов классическом мире лишь потому, что выборы квантовых альтернатив и их фиксация в памяти осуществляются неким значимым для всех субъектов (сознаний) способом (т.е. осуществляется интерсубъективно).

Теперь вернемся к проблеме времени. В «квантовом кристалле», как мы видели, никакого времени нет, но есть упорядоченность элементов (которые мы по привычке называем «события») пространственно-временными интервалами. Пространственно-временной интервал – это и не пространство и не время, это скорее, как мы отмечали выше, некий «пространственно-временной код», который воспринимает конкретное сознание и в зависимости от своей траектории движения в «квантовом кристалле» индивидуально разделяет на временную и пространственную составляющую. Т.е. пространство и время как чувственно знакомые нам разнокачественные сущности в физическом мире отсутствуют.

Здесь уместна компьютерная метафора: физическую реальность можно уподобить компьютерному файлу, как он существует на уровне машинного кода. Видимый мир – можно уподобить изображению на экране монитора, которое возникает, когда компьютер прочитывает этот файл. Например, файл кодирует изображение зеленой птички, которая скачет по веткам и чирикает. Но в самом файле, очевидно, нет ничего зеленого, там ничто не скачет и не чирикает. То есть файл и изображение существуют как бы в различных онтологических модусах, обладают различными формами бытия. То же самое относится к различию между физической реальностью и нашим ее восприятием, включая восприятие пространственно-временных свойств. То, что мы раздельно воспринимаем как пространство и время, есть отражение в нашем восприятии единого пространственно-временного кода, заданного физически в виде «пространственно-временных интервалов». (Именно поэтому физика лишена наглядности и бессмысленно строить наглядные модели электронов, атомов и т.п.). Для каждого наблюдателя (т.е. воспринимающего сознания, сопряженного с физическим телом, которым это сознание управляет) пространственно-временной интервал индивидуально (в зависимости от траектории его движения в «квантовом кристалле») распадается на пространственную и временную составляющую, поэтому чисто пространственный интервал между событиями для одного наблюдателя, будет пространственно-временным для другого, и наоборот, хотя полного превращения пространство во время, а времени в пространство мы наблюдать не можем. Тем не менее, сама возможность частичного взаимопревращения пространства и времени говорит об их физической одноприродности, тогда как, проецируясь в индивидуальное чувственное сознание, они обретают совершенно различные качества и свойства.

Отметим, что свойства физической реальности: бескачественность, вневременности и внепространственность (поскольку пространство-время СТО еще не есть пространство и время нашего восприятия, а качества, с точки зрения физиологии восприятия, существуют лишь субъективно, тогда как в фундаментальные уравнения физики никакие качественные характеристики (наподобие цвета) не входят) аналогичны свойствам смыслов (которые также бескачественны, вневременны и внепространственны), поэтому, если мы хотим в конечном итоге избежать дуализма, мы должны погрузить «квантовый кристалл» в «смысловое поле», т.е. рассматривать физическую реальность как подструктуру смысловой реальности, что вовсе не делает физику субъективной, если мы отказываемся от идеи чисто субъективного статуса смысла.

Ясно, что восприятие сознанием физической реальности осуществляется не напрямую, а опосредованно. Роль посредника, очевидно, выполняет наш мозг. Т.е. сознание «считывает коды» «квантового кристалла» не непосредственно «с самих вещей», но только с той репрезентации, в котором они (эти «коды») представлены (отображены) в нашем мозге (его сенсорных отделах).

Иногда, иллюстрируя идею дуализма мозга и сознания, мозг уподобляют телевизионному приемнику, а сознание – улавливаемой им «волне». Здесь у нас получается обратная метафора. Мы можем, напротив, уподобить сознание приемнику (поскольку именно оно воспринимает), а мозг и внешний мир неким «волнам», которые сознание принимает и «декодирует» (переводит в форму чувственных образов). При этом сознание «настроено» лишь на одну «волну» – на наш собственный мозг и весь остальной мир воспринимает лишь постольку, поскольку он отображается в сенсорных отделах мозга. Т.е. мозг выполняет роль как бы «оптического инструмента», с помощью которого сознание «рассматривает» внешний мир, а также роль «орудия воздействия» на этот мир (через целесообразную селекцию членов квантовой суперпозиции).

Список литературы

1. Иванов Е.М. Онтология субъективного. Новая концепция сознания. LAP LAMBERT. 2011. 256с.
2. Иванов Е.М. Сознание в квантовом мире. О происхождении сознания. Учебное пособие. Саратов. ИЦ Наука. 2008.
3. Менский М.Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // УФН, 2005, т. 174, №4.
4. Everett H. III, Rev. Mod. Phys., 29, 454 (1957).

**СЕКЦИЯ №21.
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)**

**СЕКЦИЯ №22.
ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)**

**СЕКЦИЯ №23.
ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)**

**СЕКЦИЯ №24.
ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07)**

**СЕКЦИЯ №25.
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08)**

**СЕКЦИЯ №26.
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)**

**СЕКЦИЯ №27.
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13)**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)

**СЕКЦИЯ №28.
ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)**

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД

Январь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны**», г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2015г.

Февраль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом**», г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2015г.

Март 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных общественных наук**», г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2015г.

Апрель 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в общественных науках**», г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2015г.

Май 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук**», г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2015г.

Июнь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы общественных наук в мире**», г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2015г.

Июль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных общественных наук**», г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2015г.

Август 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Новые тенденции развития общественных наук**», г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2015г.

Сентябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Общественные науки в современном мире**», г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2015г.

Октябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы общественных наук**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2015г.

Ноябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Общественные науки: вопросы и тенденции развития**», г.**Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2015г.

Декабрь 2015г.

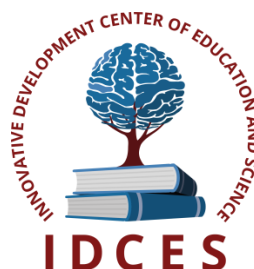
II Международная научно-практическая конференция «**Перспективы развития современных общественных наук**», г.**Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2016г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Общественные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(7 мая 2015г.)**

**г. Омск
2015 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 08.05.2015.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,04.
Тираж 250 экз. Заказ № 176.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58